

Муниципальное бюджетное учреждение культуры
городского округа Краснотурьинск
«Централизованная библиотечная система»
Центральная городская библиотека

«Я помню всё о той войне...»

Книга памяти:

воспоминания о Великой Отечественной войне
участников войны, тружеников тыла, детей войны

Краснотурьинск

2015

ББК 63.3(235.551)622,88
Я11

Подготовка к выпуску: Центральная городская библиотека
муниципального бюджетного учреждения культуры городского округа
Красноурьинск «Централизованная библиотечная система».
Фотографии: Аминов В., Глазков М., Копылова А., Смышляева Л.
Оформление обложки: Смирнова Н.Е.

«Я помню всё о той войне...» : Книга памяти: воспоминания о
Я11 Великой Отечественной войне участников войны, тружеников тыла,
детей войны / Благотворительный фонд «Синара» ; Муниципальное
бюджетное учреждение культуры городского округа Красноурьинск
«Централизованная библиотечная система», Центральная городская
библиотека ; [фот.: Аминов В., Глазков М., Копылова А., Смышляева Л. ;
оформ. обл.: Смирнова Н. Е.]. – Красноурьинск, 2015. – 120 с. : фот.

ББК 63.3(235.55)622,88

Сборник воспоминаний о Великой Отечественной войне
1941-1945 гг. жителей города Красноурьинска Свердловской
области. В «Книгу памяти» вошли воспоминания участников
боевых действий на фронте, ветеранов тыла о жизни и работе в
годы войны, а также воспоминания тех, чьё детство выпало на
тяжелые военные и послевоенные годы. Отдельно представлены
письма с фронта красноурьинцев, не вернувшихся с войны.

«Книга памяти» издана на грант благотворительного фонда
«Синара».

Предисловие

Среди памятных дат, которые отмечает народ нашей многонациональной Родины, особое место занимает День Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Проходит время, все дальше и дальше, вглубь времен уходит эта война. Но память о ней нужна и нынешнему, и будущим поколениям как яркий пример беззаветного служения народа своему Отечеству, среди которого были наши отцы и матери, наши дедушки и бабушки, наши соседи. Они приближали победу на разных фронтах войны – на передовой и в тылу. С годами живых свидетелей войны становится все меньше. Если не сохранить воспоминания этих людей сейчас, потом может быть поздно.

Из города Краснотурьинска (Свердловская область) ушли на фронт более 2000 жителей. Те, кто остались, работали на Богословском алюминиевом заводе – ковали «крылатый металл» для фронта, в шахтах и на рудниках – добывали уголь. В городе осталось 58 участников Великой Отечественной войны, 1092 тружеников тыла, 17 узников концлагерей, 9 блокадников Ленинграда (газета «Заря Урала», 2014 г., № 35), и с каждым днем их становится все меньше. Это – последние свидетели войны, поэтому очень важно зафиксировать и сохранить их воспоминания для будущих потомков. В народе говорят: «Павшие живут, пока их помнят», поэтому в честь тех, кто отдал жизнь за Отчизну, строились часовни, храмы, воздвигались памятники-мемориалы, издавались книги.

Сборник «Я помню всё о той войне...» подготовлен сотрудниками Центральной городской библиотеки муниципального бюджетного учреждения культуры городского округа Краснотурьинск «Централизованная библиотечная система». В книгу вошли воспоминания краснотурьинцев – участников Великой Отечественной войны, тружеников тыла, детей войны, а также фронтовые письма краснотурьинцев, не вернувшихся с войны. Всего – 37 человек.

Основу книги составили материалы корреспондентов независимой городской газеты «Вечерний Краснотурьинск» из рубрики «Поколение героев». При подготовке сборника также использованы материалы городской газеты «Заря Урала», еженедельника «Алюминщик» Богословского алюминиевого завода. В отборе материала помогали сотрудники Краснотурьинского краеведческого музея, члены городского совета ветеранов, Краснотурьинской общественной организации «Память сердца. Дети погибших защитников отечества». Сборник объединил разрозненные статьи, отдельные выпуски недолговечных газетных публикаций, недоступные обозрению широкой общественности музейные архивы.

Издание осуществлено в рамках проекта «Книга памяти» Центральной городской библиотеки, посвященного 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. В 2015 году проект получил грант благотворительного фонда «Синара».

**Ветераны Великой Отечественной войны, узники концлагеря,
краснотурьинцы, пережившие блокаду Ленинграда.
Фото: Вадим Аминов, Лилия Смышляева.**

Валентина Ивановна Андреева

(Валя Гутовская - 3 года)

«Когда началась война, моим родителям – Ивану Михайловичу и Екатерине Васильевне Гутовским – было по 31 году. Папа ушел на войну сразу. У него была «броня», благодаря которой его не должны были брать на фронт. Но он был добровольцем: писал заявление в военкомат, чтобы его взяли. И его взяли, но потом вернули. Он второй раз написал – не взяли. Забрали после третьего заявления. Он был пехотинцем, прошел всю войну, а погиб 8 марта 1945 года в одной деревушке под Берлином...

Помню, как он уходил на войну. Он подошел ко мне и младшему брату Николаю, поцеловал нас и сказал, чтобы мы помогали маме и слушались ее. С войны постоянно писал нам письма, в каждом из них говорил, что мы скоро встретимся, война близится к завершению... А потом прислали похоронку. Когда об этом сообщили нашей семье, мама и старшие сестры закричали, заплакали, а мы, младшие, сидели и просто глазами хлопали. Все понимали, что мы остались одни, ни с чем и папа никогда уже не вернется...

...Нас в семье было сначала девять детей. Но уже в военные годы осталось семеро. Жили в Казахстане в Семипалатинской области в поселке Дубой, откуда переехали в Курчум. Двое старших детей работали в полях на хлебоуборке, еще одна сестра трудилась на ферме дояркой, другая была задействована в выращивании клубники, а мама работала в охране ночью. Старшие чем могли, тем помогали

маме. За свои трудовые дни получали какие-то продукты. Мы, трое самых младших, в основном, всегда были дома, поэтому на нас лежала ответственность за ведение домашнего хозяйства, заботы об огороде.

Но, несмотря на то, что все работали, еды все равно было мало. Летом мы рвали малину и другие ягоды, дикий лук, чеснок, которые росли в поселке. Осенью собирали колоски, лебеду и прочие травы, мерзлую картошку, оставшуюся на полях. Картошка эта хоть и была плоха, но в пищу все равно использовалась. Мама ее перемалывала и лепешки стряпала. Ели мы и солодку – вот она была не только полезной, но и вкусной. Бывало, прибегали к старшей сестре на ферму, она нас молоком поила. Пыталась наша семья заводить скотину. Были поросята и теленочек, которого маме как многодетной дали на работе. На них была вся надежда. Но их украли, а другой возможности завести скот не было.

Весной, когда подтаивали тропинки, мы босиком ходили, ведь обуви-то не было. А у старших, работающих, сестер вместо обуви были деревянные колодки. Они их к ногам приматывали.

Когда пришло время мне идти в школу, нормальной одежды все еще не было. Кто-то, кто был побогаче, нам отдавал свое старье, которое уже не носили. Эта одежда, как и валенки, была одна на всех. Один приходил с учебы, снимал ее, следом надевал следующий, кому в школу идти пора. Сумка моя школьная – через плечо – была сшита из льняных мешков.

Карандашей, тетрадей, а тем более ручек тоже не было. Вместо этого мы писали угольками, камушками и мелками, если где-то найдем. В качестве бумаги использовали старые газеты. Чуть позже спасло нас от нищеты то, что мама пряла, покупала шерсть и потом вязала

нам чулки, кофты, юбки. Еще выручало то, что мы сажали табак, его потом собирали, продавали и на вырученные деньги покупали какую-то еду.

В то тяжелое время праздники люди почти не отмечали. Разве что ставили брагу, и в праздничный день все взрослые ее по кружечке выпивали. Больше ничего не было.

После войны, спустя какое-то время уже старшие сестры вышли замуж, а мы, младшие, все с мамой жили. Когда мне исполнилось 18 лет, я вышла замуж. Моя семья не смогла собрать мне приданого... Мой супруг работал, на заработанные деньги он купил кровать, матрас и все необходимое для дома. Так мы и жили на съемной квартире. Потом уехали в поселок Белая Гора недалеко от района поселка Асу-Булака, год прожили в Огневке и затем уже перебрались на Урал».

Подготовила Алеся Копылова. Фото: Вадим Аминов.
«Вечерний Краснотурьинск», 2014 г., № 31.

Морис Самуилович Байгельман

«Мы давно свыклись с исторической данностью, определенной известными обстоятельствами, позволяющей считать наш город многонациональным. Мы хорошо понимаем, что очень немалая часть краснотурьинцев имеет в своих родовых коленах людей, заброшенных в наши северные края далеко не по своей воле. И тем не менее, иногда внезапно приоткрывшиеся подробности биографии того или иного земляка заставляют просто неметь от изощренной фантазии его величества Случая, превращающего судьбы в подобие талантливо написанного романа.

...Вы, например, можете себе представить такое: человек, которого в городе все знают, как известного горняка, ветерана БРУ, труд которого оценен страной орденами «Шахтерская слава» всех степеней, до совершеннолетия имел метрики, в которых на французском

языке было записано, что он – «Байгельман Морис-Жозеф родился 22.02.1924г. во Франции, в городе Париже»? И что до 4-х лет, до переезда в Россию, маленький Морис совсем не знал русского языка?

...А вообще-то их древний еврейский род был европейским ответвлением, осевшим в благодатной Польше...

Отец Мориса – Самуил Моисеевич, как и мама – Мария Иосифовна, родилась в польском городе Островце, входившем в конце 19-го столетия в состав Российской империи. Оба они были выходцами из бедных многодетных семей, основным доходом которых была кустарная работа. И если маме всё-таки удалось окончить 4-классную школу, то отцу даже этого образования не удалось получить: в 10 лет его отдали в подмастерье к мастеру по пошиву обуви.

А в 1915 году разразившаяся в Европе мировая война докатилась и до Островца. Австро-венгерские войска, выбив с южных территорий Польши российскую армию, тут же приступили к интернированию (насильственному переселению) юношей призывного возраста с захваченных земель в Австрию. Двадцатилетний Самуил, отправленный на одно из военных предприятий Австрии, в силу своего

мятежного характера тут же вступает в социал-демократическую партию. После участия в одной из политических акций его заключают в зловеще известную крепость Визельбург, а потом высылают на каторжные работы в Венгрию.

Осенью 1918 года в Австрии и Венгрии после разразившегося политического кризиса выстроенная на крови, империя рухнула а в начале 1919 года власть в Венгрии перешла к коммунистам, которые, правда, сумели её удержать всего 4,5 месяца. Вступивший в ряды Венгерской народной армии, Самуил в боях с войсками Антанты за Будапешт был тяжело ранен и взят в плен. Однако после излечения он подпадает под амнистию и снова оказывается на родине – в Польше.

В 1920 году Польша была уже самостоятельным государством. И, едва оправившись от колониальной зависимости агрессивных соседей, сама начала присматриваться к чужим территориям. Именно на почве взаимных притязаний началась вялотекущая война Польши с Россией. Несмотря на то, что по возвращении в родные места Самуил, наконец, вроде бы остепенился, женившись на девушке, которой давно симпатизировал – Марии, участие в партийных делах привело его к конфликту с властями.

И через два года скитания после бегства из страны, где его заочно приговорили к смертной казни, он выбирает местом своего нового жительства Париж. Вскоре туда перебирается и его молодая жена.

...С 1922 по 1927 годы, что родители Мориса жили во Франции, были, пожалуй, самыми счастливыми годами их жизни. Но всё та же тяга к общественной жизни (они опять оказались на гребне политической активности, участвуя в работе коммунистической партии) привела их к выбору –

либо тюрьма, либо высылка из страны. И они выбрали – ехать в Советскую Россию.

Можно представить себе ощущения молодых родителей Мориса, оказавшихся в разоренной войнами, разрушенной и голодной стране после жизни в сытой и беспечной Европе. Они едут вначале в Москву, но оседают, в конце концов, в Минске. Самуил Моисеевич поступает закройщиком на обувную фабрику «Красный Октябрь», а Мария Иосифовна – телефонисткой на телефонную станцию. Вскоре отцу, как ударнику труда, выделяют престижное жилье. Мама поступает в высшую партийную школу. Жизнь потихоньку начинает налаживаться...

В феврале 1938 года родители разрешили Морису провести «самостоятельно» своё четырнадцатилетие. А уже через пару недель его счастливое детство закончилось.

...Ночью с 3-го на 4-е марта Морис проснулся от громких голосов в спальне и зале. В квартире шёл обыск, ходили, хрустя сапогами по разбросанной на полу канцелярской мелочи, незнакомые люди. Мама машинально гладила мальчика по голове, а отец, которому вскоре предложили одеться, взял его на руки, поцеловал и сказал: «Позаботься о матери, а я должен вернуться – честных коммунистов не могут арестовывать». Когда отца увели, мама начала было собирать разбросанные вещи, но оставшиеся в квартире молчаливые незнакомцы, показав другую официальную бумагу с печатями, приступили к новому обыску.

Перевернув всё вверх дном, чекисты велели одеться маме, а Морису предложили собрать свои вещи. Мама со слезами на глазах бросилась к старшему из них: «А что же будет с сыном?». Тот пожал плечами, но потом, спросив о родственниках и получив ответ, что в Минске их нет, задумался и пошел звонить начальству. Хорошо, что на шум

вышел сосед по лестничной площадке и забрал перепуганного насмерть мальчика ночевать к себе.

...Прошло две недели. Морис всё ждал освобождения своих арестованных, как он считал по ужасному недоразумению, родителей. Но через две недели на черной легковушке приехал дяденька в форме НКВД и за ним. Неделю его продержали в дет приемнике, а затем в компании ещё троих ребятшек отправили на Украину, в Харьков, в детдом спец контингента. Он до сих пор помнит одного из своих товарищей по несчастью – красивого, серьёзного мальчика Витю Лещинского, сына бывшего наркома просвещения.

Он ждал родителей, тоскуя о них в казенном детском заведении, где, однако, вопреки его опасениям, он встретил участливое и тактичное отношение со стороны обслуживающего персонала. Ему и в голову не могло тогда прийти, что он их больше никогда не увидит. Только после хрущевской оттепели в 1957 году он получит на руки документ об их посмертной реабилитации.

А юная энергия требовала выхода. Повзрослевший Морис, что называется, с головой окунается в общественную жизнь детдома. Опираясь в своей работе на «макаренские» методы воспитания подростков, руководители этого заведения давали воспитанникам максимум свобод при выборе занятий и образования. Здесь был не принудительный, но всемерно поощряемый физический труд. И окончивший успешно 10 классов Морис получил на выпускном вечере не только «золотой» аттестат, но и удостоверение о присвоении ему 4-го разряда по специальности «токарь».

Щемящие звуки выпускного вальса еще тревожили мятежную душу юноши, стоящего на пороге взрослой жизни,

когда вдруг кто-то из товарищей выговорил вслух это слово: «Война...».

А Харьков жил своей прежней, мирной жизнью. Военные сводки пугали потерями территорий, но мысль, что враг может когда-то дойти до Украины, казалась тогда нелепой. Все жили надеждой, что наши войска, совершив какой-то хитроумно задуманный маневр с небольшим отступлением, нанесут-таки решающий удар по фашистам.

Морис без особого труда поступил на историческое отделение Харьковского госуниверситета. Вскоре он вступил в комсомол по так называемой «партдирективе» выборочного приема в комсомол детей «врагов народа». Но едва начавшись, занятия вскоре были прерваны. В составе студенческого народного ополчения весь курс был вывезен в район сельского поселения Зачепиловки на рывьё противотанковых рвов. «Нас было тысяч шесть, - вспоминает Морис Самуилович, - жили в помещениях, где придется, кормили сносно, но уже недели через три нас пешком (железная дорога была повреждена) повели обратно в Харьков.

А город бурлил от слухов, что немцы вот-вот подойдут к его окраинам. Всюду шла спешная эвакуация. В университете, куда пришёл растерянный Морис, ему объявили, что организовано будут отправлены в Казахстан только старшие курсы, а все остальные туда должны добираться самостоятельно.

И что ему оставалось делать? В городе – никого знакомых, никого друзей. Он теперь не помнит, как так получилось, но решение пришло неожиданно: Морис вернулся в детдом. Именно в тот момент, когда помощи ждать было не откуда, он пришел к людям, не по должности, а по душевной щедрости ставшими истинными воспитателями для детей, потерявших родителей.

Он пришел очень своевременно. Детдом готовился к эвакуации, а воспитателей не хватало. Его спешно зачислили в штат и вместе с другими воспитателями направили организовывать переезд. Когда прибыли к пригороду Сталинграда (а это был июль 1942 года), немцы уже сбросили на город несколько бомб. Большинство детей с воспитателями всё же поехали в город (все были уверены, что Сталинград будет защищен), а Морис вместе с директором и не большой группой ребят должны были ехать на следующий день. Но утром следующего дня Сталинград был накрыт неслыханным бомбовым ударом. Полыхала станция, взлетали на воздух жилые дома – вой, скрежет, грохот взрывов, столбы огня, вздыбленные горы земли и крики... истошные крики попавших в эпицентр этого ада людей.

Оставшиеся в живых дети и воспитатели (а с ними и готовый ко всему Морис) еще шесть дней пережидали бомбежку, пока, наконец, им не удалось выбраться к Волге. Там они нашли пару волов и телегу и влились в поток беженцев.

В Камышине, куда через несколько дней они добрались, их погрузили в теплоход и в полной темноте повезли вверх по Волге. И только в Молотове (ныне Перми) их высадили и направили в облоно. «Странное дело, - до сих пор не может понять Морис Самуилович, - по пути к месту назначения я несколько раз обращался в военкоматы населенных пунктов с просьбой об отправке меня на фронт (ведь мой возраст уже подлежал призыву), но всякий раз получал отказ с мотивировкой, что это в компетенции военкомата конечного пункта эвакуации». В Молотове и состоялся его долгожданный призыв в РККА.

Морис Самуилович хорошо помнит щемящее чувство восторга, которое он тогда испытал, ведь после долгих лет

ожидания смыть с себя ненавистное и неблагозвучное пятно «детей врагов народа» он, наконец, получил возможность это сделать. И когда в числе ста призывников, прибывших к месту сбора в условленное время, он узнал, что их повезут не на запад, а на Урал, разочарованию его не было предела. А им объяснили, что добыча марганцевой руды, необходимой металлургам для получения качественной брони, сейчас такой же трудовой фронт, как и боевой.

Это, по сути, и была «трудовая армия» - та же дисциплина и тот же жестокий распорядок дня. Жили в наспех построенных бараках, оборудованных для отдыха двухъярусными сплошными нарами. Морис попал не в карьер, а на вскрышу. Задачей их участка было убрать слой в 2 – 2,5 м глины, под которым располагался толстый (от 6 до 8 метров) пласт марганцевых руд.

Работали вручную. Инструментами были лопата и бур «горячего бурения» (лом с ручками для вращения, который грели на костре). Пробуренный шпур заряжали взрывчаткой и взрывали. Лопатами складывали глину на вагонетки – вот и вся нехитрая технология вскрыши.

Питались горняки в столовой – два раза в день похлебка и немного каши на второе. Работали без выходных и отпусков. «Вначале я каждый день думал, что не выдержу и умру, - вспоминает Морис Самуилович, - но потом ничего – привык».

В мае 1943 года молодого и энергичного горняка переводят на сборку дизельного и электрического экскаваторов, перевезенных с каких-то старых рудников. И на собранном электрическом экскаваторе Морис Самуилович до 1944 года работает помощником машиниста. Потом он был переведен в шахту, где работал подземным откатчиком, вагонщиком и лопаточником. Вскоре он устаивается

звания «стахановец», а его фотография на долго «прописывается» на Доске почета.

...К концу войны жизнь на руднике стала заметно налаживаться. Появились выходные дни, бурными темпами благоустраивалось жилье, стало больше проводится культурных мероприятий. А когда пришёл долгожданный День Победы, души людей и вовсе оттаяли. И хотя долгожданный этот день был встречен бурным ликованием, режим работы на руднике был по-будничному строг и обычен...

С окончанием войны подошел к концу и срок мобилизации Мориса Самуиловича. Но он, сделав самые трудные шаги в постижении горняцкого ремесла, уже не мог остановиться на полпути, когда его практические знания стали иметь цену, не ниже инженерных. Без отрыва от производства он сначала оканчивает курсы на право ведения ответственных горных работ, а потом горный техникум. И летом 1952 года переводится в Богословское рудоуправление горным мастером на строящуюся шахту «Первомайская» Покровского рудника. В 1955 году Мориса Самуиловича назначают начальником горнопроходческого участка, в начале 1961 года – начальником участка шахты «Капитальная», а в июле 1961 года – начальником участка на подготовленную к строительству шахту «Северопесчанская».

Борис Углицких.

«Заря Урала», 2013 г., № 74.

Фото предоставлено

Краснотурьинским краеведческим музеем.

От составителей:

Морис Самуилович Байгельман в 2014 году получил нагрудный знак «За заслуги перед городским округом Краснотурьинск».

Иван Федорович Борисов

(Ваня Борисов, житель Ленинграда)

«...- Когда я окончил шесть классов, отец послал меня учиться в ремесленное училище. Собрали нас, вологодских, и повезли в Ленинград. Поселили в общежитии, устроили на работу в мастерские завода «Электросила». Я учился на слесаря-инструментальщика, профессия мне нравилась, я быстро освоил теорию и практику. Весной должны были быть экзамены, а там – домой!

Но тут началась война, и нас никуда непустили, а послали на оборонные работы – рыть противотанковые окопы. Мы рубили деревья и кустарники, ставили их «торчком», чтобы замаскировать рвы, тогда с самолета не видно.

А фронт уже подходил к Ленинграду, слышалась оружейная канонада, немцы наступали. В городе началась паника, бежали все на железнодорожную станцию, но ее уже разбомбили. Помню, мы шли врассыпную, придерживаясь дороги, было очень много людей – взрослые, дети... кто в чем, что успели схватить, а с неба бомбы сыплются, мы в кустах прячемся...Страшное это было отступление.

Но путь назад был отрезан, началась блокада, все вернулись в город. Нас снова собрали на заводе и приказали охранять от зажигательных бомб объект и жилые дома. Как тревога начинается, все население – в бомбоубежище, а мы – на крыши да чердаки лезем. Немец «фугаски» кидал, а вместе с ними зажигательные бомбы. Они небольшие, килограмма на два каждая, но пожару наделает, если ее вовремя не обезвредишь. Причем это надо было делать быстро, а бомбы – горячие, так мы их клещами хватили и в бак с водой или в ящик с песком втыкали.

Голодно было, мы получали по 125 граммов хлеба в день, а какой хлеб-то был, в нем больше целлюлозы, чем муки. Люди варили клей, ели траву, в округе не осталось ни одной собаки и кошки, птицы перестали летать, их тоже съели. За водой ходили на реку, топили «буржуйки» мебелью, книгами и всем, что могло гореть.

А когда загорелся продуктовый склад в Бабаевском районе, он был единственный на весь город, сколько там народу собралось! Люди повалили забор, все рвались чуть ли не в огонь, кто с котелком, кто с ведром, кто с бидоном. У меня была сумка с противогазом, так я ее тоже приспособил. Правда, расплавленный, жидкий сахар, который разливался рекой, я не смог зачерпнуть, но сладких камешков набрал. Мои товарищи по училищу тоже их набрали. Долго мы их сосали, потом весь пол в общежитии скрежетал от земли, которую мы выплевывали. Никогда мне не забыть этот вкус сахарной реки.

Кто-то выживал, кто-то умирал, но жизнь продолжалась. Мы работали на заводе, у многих сил не хватало, так их привязывали веревкой к станку, чтоб могли стоять. А в 42-м году мы перестали ходить на работу, сил не осталось, мы лежали и лежали в комнатах. Общежитие было на шесть этажей, а к концу года в живых осталось лишь на двух этажах.

Когда освободили Ладожское озеро от немцев, нас стали эвакуировать. Мы не смогли взобраться на машину без посторонней помощи, обессилили. Уж плохо помню, как нас везли, машин было очень много, несколько утонули, лед на озере не выдерживал, а некоторые попали под бомбежку. Но первое что я увидел, когда мы прибыли на большую землю, была церковь. Стоит на берегу такая красивая, вся светится. Подумалось мне тогда: «Наверное, Бог меня сберег...».

Записала Людмила Колесова.
«Заря Урала», 2015 г., № 4.

Катерина Макаровна Бушинская

«Почти 70 лет Катерина Макаровна Бушинская хранит последнее фото своей старшей сестры Маруси Макаровны, которую во время Великой Отечественной войны сожгли в крематории. Потому что на тот момент 18-летняя Маруся заболела и не смогла работать.

На последнем фото запечатлены Маруся Бушинская и ее подруга Лезя Петровская. Именно Лезя рассказала Бушинским о судьбе их дочери.

Как вспоминает 76-летняя Катерина Макаровна, они жили в небольшой деревне Староконстантиновского района Хмельницкой области Украины и почти сразу после начала Великой Отечественной войны попали в немецкую оккупацию. Многих угнали в концлагеря в Германию. В том числе и сестру Катерины Макаровны.

– Письма приходили до конца 1943 года, – вспоминает теперь уже краснотурьинская пенсионерка. – В одном из последних писем была фотография моей сестры. В Германии она работала на каком-то военном заводе. Писала, что работа тяжелая. Но многого о жизни в концлагере не рассказывала. Все письма проходили цензуру.

Почему весточки от Маруси перестали приходить ее родные могли только предполагать. О том, что случилось в конце 1943 года, им рассказала подруга Маруси – Лезя, которой посчастливилось вернуться домой. Девушка

сообщила родным, что Маруся серьезно заболела и не смогла работать, А с больными в концлагерях не церемонились, никто за ними не ухаживал и не лечил, заболевших, в том числе и Марусю, сожгли...

По словам краснотурьинской пенсионерки, они никому не рассказывала ни о том, что произошло с ее сестрой, ни о том, что во время Великой Отечественной пережила сама – «очень больно»...

– Мне врезался в память один момент, – рассказывает Катерина Макаровна, – только созрела вишня, я ее в миску насобираю, как вдруг по деревне раздался крик: «Немцы, немцы». Я с этой миской налезла на печку. Немцы заходят к нам в дом, увидели у меня миску и просят ягоды. А взамен шоколадку предлагают. Я отказываюсь. Он шоколадку откусывает и снова мне протягивает, мол, не бойся, не отравленная.

Помнит Катерина Макаровна, что в их деревне были и партизаны, и предатели. Как фашисты повесили девушек, которые, по их мнению, помогали партизанам. Помнит, как во время своего отступления в 1943 году ССовцы (СС – «охранные отряды» были основными организаторами террора и уничтожения людей как в Германии, так и в оккупированных ею странах – прим. ред.) хотели сжечь жителей трех больших украинских деревень.

– Недалеко тот нас находились складские помещения. Очень большие, – рассказывает Катерина Макаровна. – В них людей сгоняли. Эти склады – 12 штук их было – были полными. Помещения вместе с людьми заминировали, ССовцы хотели их поджечь. Но вовремя советские войска подошли. Всех людей спасли. Только женщина с ребенком погибли. Это счастье, что людей тогда освободили...»

Алена Маркеева.

«Вечерний Краснотурьинск», 2014 г., № 52.

Фото из семейного архива.

Валентина Григорьевна Гилева

(Валя Марченко – 1 год 9 месяцев)

«Валентина Гилева знает, где погиб ее папа, и очень сожалеет, что так и не смогла обратиться к нему на могилу.

Войну я, конечно, не помню. Папу моего, Григория Марченко, забрали на фронт 7 сентября 1941 года, а мне

только 26 сентября исполнилось два года. Помню, как похоронку принесли. Папа погиб 1 апреля 1942 года. Мы жили тогда в Омской области, в деревне Кабаново.

Моя тетя, мамина сестра, жила в том районе, где был сельсовет, куда приходили все похоронки. Их всегда получала она – и на своего мужа, и на своих братьев, и на папу моего. Работала тетя продавцом, обычно, когда она меня где-нибудь встречала, то давала мне конфетки. Но в тот раз все было по-другому. Я увидела, что она идет, побежала к ней, она меня взяла на руки, пошла дальше и плачет. Я-то ничего не понимаю, жду конфет, а она мне их не дает. Пришли домой. Заплакала и мама. Отправились к бабушке. Она увидела тетю Дусю в окно, сразу все поняла, выбежала на крыльцо и сразу осела, плохо стало. Мы на нее воду плескать стали... А я понять не могла, почему на бабушку воду-то льют?..

Конечно, когда папа уходил на войну, никто еще не знал, что она будет такой жестокой. Уже потом, в Омске, когда у них велась какая-то подготовка к боевым действиям и

начали привозить первых раненых, стало все ясно. Мама к папе туда ездила, и он ей сказал, что с войны не вернется, дал наказ, чтобы хорошо учила меня. Она так и делала...

Помню, как все начали возвращаться с войны. Все женщины к солдатам подбегают, узнают, видели ли их мужей, сыновей? Там сосед был, с которым папа вместе на войну уходил в артиллерию служить, и мама тоже давай все у него про отца узнавать. Он сказал, что ждать его не стоит – видел, как папа погиб. Рассказал, что он бежал по полю впереди него и вдруг упал. Сосед подбежал к нему, а он уже мертвый – его убило выстрелом в голову. Сосед оттащил его к кустику, чтобы не затоптали, и побежал дальше.

Сам-то он до Берлина дошел и слал такие красивые посылки своей семье. Я даже помню, что его дочь, подружка моя, носила удивительно красивый шарф, вся школа сбегалась, чтобы его посмотреть. Счастьем считалось потрогать его. А мы, те, у кого погибли отцы на войне, ходили в лохмотьях...

Когда закончилась война, всем выдали по случаю праздника немного муки. Люди начали печь блины. У нас перед домом бугор был, где всегда собирались на праздниках. Вот и на этот раз собрались. Составили столы, на них горы блинов поставили – праздновали. Мне запомнилось, что был праздник – кто-то плясал, кто-то пел. Но из всей этой массы народа выделялись кучки рыдающих в сторонке женщин. Я только позже начала понимать, какая боль была у них на сердце.

Первые годы после войны были ничуть не легче, чем военные. Жили впроголодь, ничего же не было. Мама стряпала хлеб из семян лебеды, в который добавляли немного картошки. Он был весь черный, какой-то липкий и очень невкусный. Я была очень худой, а мама заставляла меня есть.

Работы тогда было очень много. Мама трудилась до ночи, а порою, даже неделями дома не появлялась. Днем она была в колхозе, а ночью нужно было косить сено для своих коров. Когда мама спала, я не знаю. Весной оказалось еще сложнее. Женщины пахали на себе огороды. Шесть из них впрягались в плуг, а седьмая, та у кого пашут, была за ним. Так продолжается всю неделю, каждый день по огороду вспахивали. Сложнее стало, когда председатель колхоза запретил так делать. Тогда начали дети следить, едет он или нет. Ведь у женщин даже плуги отбирали, чтобы они не пахали. Они прятались, прятали и плуги, как-то даже в суматохе по неосторожности маме ногу порезали. А как им не пахать? Только за счет картошки и выживали.

Налоги были непосильные. Мы держали и корову, и огород большой, в качестве налога сдавали молоко, шерсть, мясо, картошку, яйца, которые должны были отдавать даже те, у кого не было кур. Мне кажется, люди сдавали больше, чем оставляли себе. Все то время, что мама работала, за мной присматривала бабушка. Но у меня была полная свобода, я с другими ребятами бегала, где хотела, спать ложилась, когда хотела. На ногах даже были ранки от грязи. Когда пошла в первый класс, мне ноги в бане намыли и солидолом намазали, чтобы царапины заживали. Мы же ходили босые. В холода только надевали валенки. Сами делали, держали овец и вот из их шерсти валенки валяли. А потом мой дядя купил мне калоши, и весной я бегала в них.

Все-таки, несмотря на бедность, мы старались поддерживать чистоту. Каждую субботу баньку топили. Одежда хоть и с заплатками, но постиранная. У меня даже вшей не было, как у других детей...

Я окончила десять классов и уехала поступать в институт на агронома. Но не поступила – не прошла по конкурсу. И ведь могла поступить, знания имелись, но в тот

момент я думала только о своем убогом виде. В Екатеринбурге ведь приехала в штапельном платье и белых парусиновых босоножках, которые специально натирала мелом, чтобы они становятся светлыми. Дети участников войны поступали вне конкурса, их отцы на машинах туда возили, а наши папы считались погибшими, а не участниками боевых действий, поэтому для нас был совершенно другой отбор. Я поступила в институт чуть позже, когда уже самостоятельно работала, могла одеваться и не стыдилась за свой внешний вид. Только профессию выбрала другую – инженера-экономиста.

А мама так замуж и не вышла, хоть и сватались. Она ждала папу, даже зная, как он погиб».

Подготовила Алеся Копылова.

Фото: Вадим Аминов.

«Вечерний Краснотурьинск», 2014 г., № 43.

София Алексеевна Грядун

(София Чиркина – 3 года)

«Душа Софии Алексеевны до сих пор болит от того, что она так и не узнала, что случилось с ее папой. Его она все еще надеется найти.

Мы жили в Костромской области на станции Якшанга. Дочек в нашей семье было четверо, из них я была предпоследней. Родители мечтали о сыне, но, видно, не судьба была. Дети все время были предоставлены сами себе, мама ведь допоздна работала на двух работах, вручную грузила

вагоны. У нас не было школы. Наша семья жила через забор от здания, в котором она когда-то находилась. Во время войны здесь расположили госпиталь для раненых...

У нас в огороде росла картошка, мелкая, как горох, потому что садили мы ее из отростков очисток, которые собирали по помойкам. Мы все равно собирали такой урожай и уносили его в госпиталь. Подвязывали картошку за веревочки и передавали раненым, а они нам скидывали из окон конфетки и грязный, черный сахар, которые мы ловили в подолаы платъев...

Питались плохо. Чтобы прокормиться, рвали крапиву, из которой готовили суп. Больше в него ничего не клали – нечего было. Собирали песты полевые, сладковатые на вкус, и ели их. Больше не помню, чтобы что-то собирали. Помню еще случай, за который нам с сестрой до сих пор стыдно. Мы собирали в поле песты, и там работал тракторист. У него лежал в сторонке обед в пакетике. Мы с сестрой его своровали. А внутри пакетика был всего один сухарик в 50 граммов и две гнилые картошечки. Но кушать на самом деле было нечего, были очень голодными. В то время и одежды-то у нас не было. Носили с сестрами мы вещи друг друга, валенки были большие – одни на всех.

Мы с сестрами всегда были дома одни. Спасала нас соседка тетя Настя. Она придет, а мы вчетвером на печке голодные-холодные. И она все время нас смешила – это в буквально смысле давало нам жизнь в то время. Мама возвращалась всегда уставшая. Бывало, наругает нас, кого-то в угол поставит, разозлится, а утром снова уйдет – в столовую картошку чистить. Ей за эту работу отдавали очистки. Их мы потом готовили на маленькой железной печке и ели. А еще иногда нам рабочие кидали пласты дуранды – жмых от семечек, которым кормили скот. Это было очень вкусно.

...Полегче жизнь стала чуть позже войны. Мне было восемь лет, когда у нас появилась коза. Мама в суп с крапивой начала добавлять молоко. Как-то мы так этой вкуснятины наелись, что нам сделалось плохо – со стульев попадали. Переели, наверное. В то же время мамина начальница попросила меня с ее маленьким ребенком водиться. Благодаря этой подработке за три месяца я заработала гребенку для волос. Через год меня привлекли к другой работе. Я с другими детьми топорами рубила газочурку, которой тракторы топили.

Нам тогда говорили, что если мы поранимся или что-то с нами произойдет во время этой работы, то за нас никто отвечать не будет. Я отрубила себе палец на ноге, но все равно продолжила работать. Не знаю, платили ли нам за эту работу вообще?

Самое яркое воспоминание тех лет – это то, как мы сидели на крыльце своего дома, и возле него проходили русские солдаты. Маме нашей тогда было всего 30 лет, она была красавицей. Солдаты на нее всегда заглядывались. А мы кричали им: «Нечего заглядываться, проходите!» Мы очень ревновали маму.

...Страха в военные годы не было. Мы не видели ни самолетов, ни немцев. Все было спокойно. Папу своего, Алексея Николаевича Чиркина, я помню только по рассказам мамы. Знаю, что был он хороший, милиционер. На войну его забрали в 1942 году. В 1943 году его ранило и он писал нам письма из госпиталя под Москвой. Всегда наказывал маме: «Береги моих крошечек, береги моих девочек». А потом вдруг прекратились эти письма. Так мы потеряли с ним связь и до сих пор не знаем, что с ним случилось – то ли взорвали тот госпиталь, то ли он там умер, то ли что-то другое. Я писала везде, где только можно, даже на передачу «Жди меня», но никакого ответа не было. Папу своего мы долго

ждали, да и, если честно, я жду его и сейчас. И если бы знала, где он похоронен, при любом своем здоровье отправилась бы туда...»

Подготовила Алеся Копылова.

Фото: Алеся Копылова.

«Вечерний Краснотурьинск», 2014 г., № 41.

Николай Егорович Гуреев

(Коля Гуреев – 12 лет)

«В военное время нам было не до Нового года. Какие там чудеса и праздники? Какой Дед Мороз? Мы жили на оккупированной территории, и праздником для нас было, если найдем что-нибудь съестное.

Мы жили в деревне Сараевка Солневского района Курской области. Когда война началась, в тот же день к нам прискакал на лошади гонец и объявил моему папе, чтобы он готовился идти на фронт. Отправлять отца на войну очень тяжело было. Ночью пришли две его сестры, мать. Рубили гусей, пекли хлеб в дорогу с собой. В четыре часа ночи подъехала подвода, запряженная лошадьми, и мы все на нее погрузили. Так папа и уехал. Потом через какое-то время пришла небольшая весточка о том, что он находится в горелом лесу под Смоленском. Больше писем и каких-то сообщений о нем не было. И старший брат погиб в Германии 8 мая 1945 года...

Мы жили на оккупированной территории. Есть и носить было нечего. Ходили в поле, собирали там колоски. Чтобы не поймали и потом не посадили, мы надевали широкие штаны из холста, снизу их завязывали, также делали с рубахой и внутрь прятали найденное. Тело после этого чесалось. Собранные колоски толкли и пекли оладьи. Собирали, копали мороженую картошку и свеклу. Не секрет, приходилось и побираться. Соли в те годы не было, вместо нее мы использовали удобрения с полей. Но в пищу в чистом виде их не клали, иначе можно было отравиться. Удобрения добавляли в воду, ее кипятили, потом соленой водой поливали пищу, а осадок на огород выливали. Хорошо семью выручала корова, она давала молоко, на ней пахали огород. Периодически ее приходилось в роще прятать. В самой-то деревне немцев не было, они находились на станции, неподалеку от нас. Но когда проезжали мимо, то забирали все, что имелось у людей: свиней, гусей, коров, кур.

Немцы гоняли нас на торфяные болота резать торф и складывать его сушиться в специальные клетки. Пробовали от этой работы отказываться, но за это нас избивали. Не смотрели на то, дети мы или нет. После одних таких побоев у меня до сих пор шрам на голове. Сидели мы как-то на краю ямы, глубиной метров шесть, а на дне – ледяная родниковая вода. Кто постарше и в сапогах был, в яме находились, резали торфяные кирпичи, а мы их складывали. Немец подошел ко мне, посмотрел, что-то забормотал и автоматом меня ударил так, что я в яму упал. Думал, утону, но меня вытащили.

Было как-то, конечно, когда немцы проявляли к нам сострадание. Пришли двое солдат в наш дом. Один из них был совсем молодым, он зашел, сел за стол, смотрел-смотрел на наш быт и вдруг заплакал. Потом отошел и принес нам две коробочки сахара – сахарозаменитель в таблетках. А тому,

кто был постарше, сказал, чтобы тот ничего у нас не брал.

В феврале 1944 года мать померла. Она все эти годы болела сильно – что-то с легкими было. Остались мы со старшим больным братом. Конечно, надеялись, что отец вернется с войны и старший брат. Но надежды на брата не осталось, когда пришел с войны его друг и принес 12 его наград и личные вещи. А про отца думали, что, может, он где-то в плену находится, но он не вернулся. Был у нас дед. В военные годы он в поле работал, сено косил. И вот как-то случайно оборвал немецкий кабель связи. Те подумали, что он партизан, и застрелили его из пулемета.

Среди моих родственников был один партизан – мамин брат. Он учителем когда-то работал в соседней деревне, с войны вернулся без ноги. Был у нас еще один дядя, который во Владивостоке служил начальником связи. И вот он как-то заехал в нашу деревню, думал, что отец и бабушка живы. Посмотрел, что живем мы плохо. И троих младших детей в детдом определил. До этого меня также пытались в детдом сдать. Привезли на станцию вместе с другими детьми, в сарае закрыли, от них я узнал, что там плохо обращаются, даже бьют. Пошел якобы в туалет, а там как раз товарный поезд шел. Я сел в него и уехал назад в деревню. Там и жил. Но потом в деревню приехали люди из Краснотурьинска, чтобы жителей на фабрично-заводское обучение набирать. Ну, я и отправился вместе с остальными. Уже в декабре 1945 был в городе. Правда, и отсюда сбежать хотел, когда увидел работу в электролизном. Но передумал, поняв, что в другом месте будет не лучше».

Подготовила Алеся Копылова.

Фото: Вадим Аминов.

«Вечерний Краснотурьинск», 2015 г., № 1.

Александр Львович Еманов

«Для Александра Львовича Еманова, ветерана Великой Отечественной войны, война – это под свистом пуль бесконечная помощь раненым. Год войны Александр Львович был командиром санитарного взвода стрелкового батальона.

Великая Отечественная война для краснотурьинского ветерана Еманова началась в июне 1944 года, когда он окончил ленинградское военно-медицинское училище.

Вообще-то, проживая в Туринских Рудниках, Александр Львович учился на сварщика. Но судьба распорядилась по-своему, связав жизнь Еманова с медициной.

17-летнего краснотурьинца призвали в вооруженные силы в марте 1943 года. Сначала «учебка» по медицинскому профилю – несколько месяцев в Перми, затем – в Ленинграде (сейчас Санкт-Петербург).

– После окончания училища и сдачи экзаменов нам присвоили офицерские звания – младшего лейтенанта и распределили по фронтам, – рассказывает Александр Львович. – Я попал на Ленинградский фронт, в 98-ю стрелковую дивизию, служил в медсанбате. Во время подготовки к наступлению наших войск на врага меня поставили командиром санитарного взвода стрелкового батальона.

Еманов не шел в числе первых в атаку. Его задача была совсем другой – помогать раненым сослуживцам. Ветеран рассказывает, что сначала в битву вступала артиллерия, потом солдаты, медики шли в хвосте. Но при этом их роль была существенной, именно от их оперативности, смелости и умения оказывать первую помощь порой зависела жизнь других. По словам Александра Львовича, как правило, медицинскую помощь раненым они оказывали под свист пуль и разрывающиеся неподалеку снаряды. Но думать о себе и спасении своей жизни не приходилось.

– Мой санитарный взвод в обороне не стоял, мы всегда двигались вперед по фронту, – говорит ветеран. – Перед нами стояла задача найти раненых и оказать им первую помощь. И идти дальше, не отставая от батальона. Уносили раненых с поля боя уже другие подразделения.

Первый страх от войны Александр Львович Еманов испытал, когда их стрелковый батальон зашел в Эстонию. Так они стали участниками третьего Прибалтийского фронта.

– Когда во время битвы мы оказывали медицинскую помощь раненым, неподалеку от меня упал снаряд, – вспоминает 89-летний ветеран. – Хорошо, что поверхность была ровной, снаряд упал и начал крутиться, как юла. А мы смотрели на него, думали: взорвется или нет? И от страха пошевелиться не могли... Но фугас не сдетонировал. Можно сказать, нас спасла счастливая случайность.

Александр Львович побывал и на втором Прибалтийском фронте в Латвии. В феврале 1945 года их перекинули в Польшу, а оттуда через Прагу должны были идти в Германию. Но до Германии так и не дошли – война закончилась.

– Когда объявили о победе, мы находились в Праге, стояли в обороне на тот случай, если немецкие войска снова пойдут штурмом в нашу сторону, – рассказывает Александр Львович.

Великая Отечественная война для краснотурьинского ветерана Еманова закончилась в ноябре 1946 года. До этого он продолжал службу фельдшером сначала в Венгрии, а затем в Германии.

Вернувшись в Краснотурьинск, Александр Львович Еманов устроился в Богословлаг, где проработал шесть лет. После смерти Сталина лагеря, в том числе и краснотурьинские, стали расформировывать, сотрудников увольнять. Попал под сокращение и Александр Львович.

– Я устроился заведующим здравпункта Богословского алюминиевого завода. В этой должности проработал 48 лет, пока не ушел на пенсию, – говорит ветеран...»

Максим Глазков.
«Вечерний Краснотурьинск», 2014 г., № 25.
Фото из семейного архива.

Нина Ивановна Ивашова

(Нина Яркова – 5 лет)

«Мы жили в Краснотурьинске на улице Абоимова. Мама моя, Галина Федоровна, работала в школе №10 учительницей, а после основной работы уходила трудиться вместе с

подругой в шахту Кирова. Они катали вагонетки с медной рудой от забоя до рудоподъема. Работать-то было некому, а руда была нужна.

При этом денег им не платили, за каждый отработанный день выдавали одну булку хлеба. Нас ведь от отца осталось четверо детей, да еще бабушка с нами жила, вот и надо было как-то на шестерых еды добывать.

Всегда, когда мама уходила на работу, бабушка ей с собой давала туесок из бересты, куда клала несколько штук картошки и иногда соленые грибы или капусту. Мама брала это и отправлялась трудиться до глубокой ночи. На работе она, бывало, до того уставала, что даже идти не могла, и ее привозили домой в розвальнях. И так было на протяжении всей войны.

Маме было очень тяжело. Когда папа уходил на фронт, она уже беременной была и ничего ему о своем положении не сказала. Папину похоронку получала бабушка, она некоторое время ее скрывала, боялась за маму. Папу убили 13 июня 1942 года, а похоронка пришла накануне маминых родов. Бабушка опасалась, что из-за стресса у мамы молоко пропадет или произойдет что-то еще хуже. Рассказала она о смерти папы только в конце года.

Состояние мамы и правда ухудшилось, она заболела, постоянно падала в обмороки. Наверное, это было связано и с постоянным недоеданием в сочетании с тяжелым трудом. У нее настоящая дистрофия была.

Потом еще и бабушка умерла. За нами некому стало присматривать. Мамина подруга послала к нам своего брата Александра Васильевича Назарова. Пока мама была в больнице, он занимался нашим воспитанием. Сам же работал в геологоразведке старшим мастером. Года два он с нами периодически сидел.

Потом, в 1949 году, накануне Нового года маму выписали из больницы. А мы ей говорим: «Ну что ты будешь дядю Сашу-то выгонять. Мы уже к нему привыкли». Она говорит: «И что?». А мы ей: «Так давайте поженитесь и живите. Мы его не хотим выгонять». Александр Васильевич растерялся от наших слов, а мама нас увела в соседнюю комнату поговорить – мол, папа-то наш какой красивый был, крепкий, а дядя Саша худенький, маленький. Но мы все равно свое гнули – он ведь с нами столько времени был, не обижал никогда. Так мы их и поженили. Хотя на самом деле, если бы не он, нас бы никого не было. Мы вместе с ним и хозяйством занимались, овощи в огороде выращивали, и в лес ходили. Мама от него родила нам еще двух сестреночек. Потом приступы обмороков у нее прошли сами собой.

Естественно, в военное время мы могли только сами рассчитывать на себя. Ели мы только то, что выращивали на огороде – картошку, морковку, свеклу. Помогали нам и соседи. У них коза козлят родила. Одну маленькую козочку они нам отдали. Это было хорошее подспорье. Проще было и за счет того, что нас лес кормил. Бабушка научила разбираться в грибах и ягодах. За ними в лес мы ходили все вместе. Никто дома не оставался. Потом делали домашние заготовки. При этом сахара и соли тогда практически не было. Ягоды мы вываливали в бочку и просто заливали водой, а соль для грибов ходили просили по знакомым да у тех, кто лошадей держит.

Карточки на хлеб мне начали доверять, когда мне исполнилось пять лет. Хорошо помню, что на нашу семью было положено кило двести пятьдесят хлеба. В очереди стоять приходилось долго – где-то с пяти утра, а магазин открывался в восемь. Еще и до меня длинная очередь была. Хлеб по качеству всегда был разным. Бывало, как кирпич, бывало, сырой, а бывало, нормальный.

О событиях на фронте мы узнавали по радио. У нас было небольшое, круглое. Оно работало не круглосуточно, а в определенные часы. И мы очень ждали эту передачу. Садись все возле радиоприемника и ждали, когда начнут сообщать, что же там на войне происходит. Это было важно знать. Письма с фронта папа писал, их всегда зачитывала нам бабушка. Помню, что рассказывал он в них о том, как его заставили собирать солдат на войну со всего Северного куста. Он набрал целый поезд людей, и они уехали. Насколько я знаю, из них всех вернулся назад домой только один мужчина из Североуральска. Надо было идти в атаку, а он заболел, его в госпиталь отправили... Папино письмо пришло к нам уже после его похоронки.

Никакой поддержки от государства мы не получали. Только когда война закончилась, с шахты к нам домой привезли салатовую курточку на молнии с капюшоном, которая, как нам сказали, была подарком из Америки. Она подошла старшему брату. Были и одни ботинки, но они никому не подошли – слишком большие. Потом в гости пришли два шахтера и тоже принесли подаренные им ботинки. Но их дети уже выросли, и им они были малы, зато нам подошли. В другой раз мужчина с шахты зимой пришел, принес мешок, сказал, что это для мамы и для нас. Внутри оказались сдобные каралики...

В 1945 году Нина Ивановна пошла в первый класс. По словам женщины, несмотря на то, что все дети были разновозрастными, учебник выдавался один на семью. К тетрадям относились бережно, не выбрасывали, а одного простого карандаша хватало на целый год. Только обувка была одна на всех. Одни возвращались со школы, снимали, и тут же ее одевали другие».

Подготовила Алеся Копылова.

Фото: Вадим Аминов.

«Вечерний Красноуральск», 2015 г., № 9.

Виталий Алексеевич Каширов

«Далеко от моря находится Северный Урал, где и родился в 1928 году в маленьком поселке Турьинские

В.А. Каширов (слева). 1944 г.

Рудники Виталий Каширов. Семья была большой. Отца в 1942 –м забрали на фронт, и Виталий как самый старший мужчина в семье (две старшие сестры не в счет) вынужден был

идти работать на завод.

- После окончания седьмого класса, в 1943-м, стал я работать учеником токаря в электроремонтном цехе Богословского алюминиевого завода, рассказывает Виталий Алексеевич. – Коллектив у нас был интересный: подростки 15-16 лет и заключенные. Вы же знаете, на строительстве завода были заняты заключенные, немцы - трудармейцы и узбеки. Узбеков в основном занимали на земляных работах, а у нас мастера все специалистами были. Это я могу сказать с полной ответственностью. Я работал под руководством мастера Василия Огнева, он срок 10 лет отбывал, говорил, за то, что сначала в плен попал на войне, а потом оттуда сбежал. Так или иначе, утверждать не буду, но дело он свое знал и работал хорошо.

Сначала Виталий был токарем третьего разряда, а потом, когда уже в 1944-45-м годах самостоятельно работал, так до пятого дошел. Завод строился, и задания у подростков

были самые разные: точить приходилось и крупные детали, и всякую мелочь – гайки, болты.

- Если мелочь точили, то работы, как правило, было много, так что подолгу не отходили от станка, - говорит Виталий Алексеевич. – Душевых, конечно, тогда не было, в грязной, сырой робе домой возвращались, утром снова в этой одежде на работу шли.

На рабочую карточку хлеба давали 800 грамм, а еще спецжиры и крупы. Но еды все равно не хватало, дома Виталия ждали мама, братья и сестры. Как ни странно, но в это трудное время молодежь еще успевала заниматься спортом.

- Я входил в сборную завода по легкой атлетике, - вспоминает Виталий Алексеевич. – Тренером был Григорий Безруков, мы ездили на соревнования в Свердловск, Каменск-Уральский, Серов. Бегали кроссы, зимой занимались лыжами. В те годы считалось необходимыми укреплять свое здоровье, ведь армии и флоту были нужны здоровые и крепкие солдаты.

Он хорошо запомнил начало и окончание Великой Отечественной войны. День 22 июня 1941 года был солнечным, теплым. Солнце светило и 9 мая 1945 года.

- У меня, наверное, был выходной. Точно помню, что в это утро мы ушли с другом в лес на охоту. Когда вернулись, нам сказали, что окончилась война и на нашем заводе выпустили первый алюминий. «Слава Богу! – подумал я, - может быть, теперь досыта наедемся!»

Война забрала у этого поколения детство и юность, дав что-то большее взамен. Быть может, умение ценить людей и жить достойно».

Наталья Паэгле.
«Алюминщик», 2005 г., № 16.

Владимир Алексеевич Клевакин

(Вова Клевакин – 4 года)

«Владимир Алексеевич Клевакин помнит, как шло строительство трамвайных линий в городе. По словам мужчины, изначально планировали путь прокладывать не по Попова, а по Октябрьской. «Даже начали уже тянуть линию, но кто-то что-то передумал, и работы резко перенеслись на улицу Попова, – говорит Клевакин. – Первая трамвайная ветка шла от Набережной до трампарка».

В простонародье у нас таких, как я, называют бурундуки. Я родился и вырос в Краснотурьинске. Правда, в те годы, он еще не имел статус города, а был поселком Турьинские Рудники. В семье я был старшим

ребенком, младше меня только сестры.

Отец мой сначала отвоевал Финскую войну, а затем был призван на Великую Отечественную. Знаю, что направлялся он из Краснотурьинска в Ленинград. Где-то на пути в машину, в которой он был, попал снаряд. И все... По документам числится без вести пропавшим. Осталась на память о нем лишь одна фотокарточка...

Я был еще мальчишкой и представления о том, что такое война, не имел. Мама первое время не работала, потом занялась спекуляцией. В Карпинске обеспечение было лучше, и мама покупала там хлеб, масло, еще какие-то продукты и перепродавала на нашем базаре, который тогда находился в районе сегодняшних гаражей и метеостанции.

Еды было не так много, скотину сначала мы не держали. Ели, что даст земля, а лебеду и крапиву вообще охраняли. Эти растения обычно росли на «жирных» местах, куда сливали отходы. Это была наша пища, которую все друг у друга воровали. Летом выручал лес. Мы собирали ягоды – землянику, жимолость. Что-то ели, что-то продавали. И к школе на вырученные деньги покупали кому-то ботиночки, кому-то штанишки.

По весне мы собирали сосновые шишки, которые были еще молодыми, зелеными и вполне съедобными. Рвали щавель, лук. Этим всем накормишься, живот большой, а есть все равно хочется. Картошки у нас было очень мало, потому что огород надо было удобрять, но у нас для этого ничего не было. После сбора урожая мать обычно сразу откладывала что-то на посадку. Ведь если на весну картофель не оставить, то сажать будет нечего. Правда, и этого было мало, выручало то, что картошка вырастала и с ростков, и с очистков.

Конечно, в те годы имело место и воровство. Урожай выкапывали. Не знаю кто, вряд ли соседи. Скорее всего, заключенные из лагерей, которых в наших местах хватало... В городе было место, где хранился жмых, которым кормили скот. Но всегда он находился под охраной. Сторожил его солдатик с винтовочкой. А мы хитрили. Рассчитали время, за которое он делал обход. Солдатик только свернет, как мы тут же под колючую проволоку пролазили, подбегали и утаскивали кусочки жмыха. Мать потом из него что-нибудь готовила.

Были и другие способы добыть пищу. Мать же не все время спекулировала, но и работала в профилактории. Отходы, объедки, кости оттуда забирать домой было нельзя – это расценивалось как воровство. Но уносить их мне все-таки удавалось. А бывало прихватывал с собой и дрова. Мы с мамой пилили их для профилактория, а потом, если

появлялась возможность, одно-два бревнышка я с собой утаскивал. Конечно, таскали их и из леса, и на лошадях кто-то привозил, продавал, но все равно этого было мало...

Страшно вспомнить про налоги. Везде же надо было заплатить. Каким-то образом мать добыла двух поросят, а разрешалось иметь только одного и то за него надо было платить налог. В день, когда в дом приходили за налогами проверяющие, поросят мы прятали в яму, вырытую в самом дальнем углу огорода.

У нас возле дома на Молодежной была горка, которую рабочие пытались сравнять. В числе трудяг были военнопленные немцы, не те, что сражались на войне, а те, которые были привезены сюда из Германии. Помню, что все они были очень молодыми, совсем юнцы, и все время играли на губных гармошках. В них не чувствовалось злобы. Так получалось, что они, по сути, все время находились под нашими окнами. Дашь им что-нибудь, угостишь, а они довольные, улыбаются, «данке» говорят. Не обижали нас, ничего плохого от них не слышали.

Владимир Клевакин вспоминает, что в Краснотурьинске в послевоенные годы были беспокойные времена. В городе было много заключенных, которые в нелюдных местах нападали на горожан и грабили их».

Подготовила Алеся Копылова.

Фото: Вадим Аминов.

«Вечерний Краснотурьинск», 2014 г., № 49.

Галина Ивановна Коростина

(пятилетняя Галя, жительница Ленинграда)

«Война и детство – это два несовместимых понятия. Есть на земле люди, у которых не было безоблачного детства, его оборвала своей безжалостной рукой жестокая война. Галина Ивановна Коростина – блокадница Ленинграда. Ей было всего пять лет, когда началась война.

– Галина Ивановна, какие моменты вы помните из времен блокады?

– Нескончаемые бомбежки, взрывы, воздушные тревоги... Никогда не забуду, как в Ленинграде свирепствовал голод и морозы до 40 градусов. Не работала канализация и водопровод, все замерзло.

Помню, что у нас была печка-буржуйка, в которой мы жгли газеты, книги, мебель, чтобы хоть как-то согреться. Окна дома полосками от газеты заклеивали, чтобы во время взрывов при бомбежках они не разбивались. В начале войны меня еще в садик водили, а потом уже садиков не стало.

– Было ли человеческое сопереживание, как объединялись люди, чтобы выжить?

– Что тогда, что сегодня меня удивляет и поражает то, какая была взаимовыручка. Мы жили в 34-й квартире, а наши соседи из 33-й всегда присматривали за мной, были рядом, а когда мама не работала, то уже она дежурила и смотрела за всеми детьми.

А еще в каждом доме было свое бомбоубежище – под домом. При этом, если ты шел по городу и начиналась тревога, то всех отправляли в ближайшее бомбоубежище, и никто не возмущался, несмотря на плотно набитое помещение.

– Что удавалось поесть?

– Один кусок хлеба делили на 4 части – завтрак, обед, ужин и еще кусочек, чтоб мне дать, когда я приду из садика. Пили

воду с солью, ее почему-то было много. Все опухшие были, голодные... Почти все соседи у нас умерли и многие родные – дедушка, бабушка, папины братья.

– Расскажите о своих родителях.

– Моя мама Татьяна Ивановна, несмотря на морозы и голод, продолжала ходить на работу, а я дома была, так как сил ходить уже не было. Единственной отрадой для меня было большое радио на стене, которое вещало о чем-то своем. Папа Иван Васильевич прошел всю финскую войну и Вторую мировую, был разведчиком.

– Какое самое глубокое переживание испытывали вы в те годы?

– Я всегда очень сильно боялась потерять мою маму. Садик, куда я ходила, был расположен недалеко от завода «Пищевик», в один из цехов которого попала бомба и полностью разрушила его. Я так испугалась, ведь на этом заводе работала мама. И когда она пришла за мной, то я не поверила в свое счастье, бежала и плакала: «Мам, мам, ты жива?».

– Когда покинули Ленинград?

– Из Ленинграда мы уезжали через Ладожское озеро на грузовике в 1943 году. В то время мы не понимали, насколько опасно ехать по льду, что можно провалиться и под бомбежку можно попасть. Мы знали одно, что едем на Большую землю, поэтому только радовались! Затем сели в поезд и добрались до Омска, где жила мамина сестра.

– А что радовало в такое тяжелое время?

– Счастье было, что мама жива, что она рядом. Вместе с ней мы мечтали о том, что, когда папа вернется с фронта, мы купим целый мешок картошки!

– Победа... Когда вы поняли, что война закончилась?

- Очень хорошо помню, что все произошло как-то неожиданно. Победа, мы победили! Все люди пели песни, танцевали, обнимались. Улыбки и счастье были повсюду!
- Как сложилась дальнейшая судьба вашей семьи?
- После снятия блокады мамина подруга прислала нам вызов, и мы вернулись в Ленинград. А в 1946 году папа вернулся с войны, без единого ранения, но контуженный. Через год у меня родился братик, а в 1953 году папа умер. Мамы не стало в 2002 году в возрасте 90 лет.
- Сейчас вы жительница Краснотурьинска, что привело вас сюда?
- Я окончила в Ленинграде институт, меня направили в Краснотурьинск. Здесь же на мебельной фабрике познакомилась с будущим мужем Аркадием Степановичем. Затем я окончила медицинское училище, работала зубным врачом. Вышла замуж, родила двух дочек. Сейчас я уже счастливая прабабушка – три внучки и один правнук. Занимаюсь огородом, читаю, ишу себя в чем-то новом и интересном.

О своем прошлом не забываю, но всем сердцем хочу, чтобы наши дети никогда не увидели и не узнали ужасов войны.

Если бы Ленинград сдали врагу, то были бы уничтожены заводы, научные учреждения, электростанции, Балтийский флот. Возможно, была бы взята и Москва. А война продлилась бы не четыре года, а много дольше. И я сильно сомневаюсь, что в этом случае смогла бы появиться на свет...»

Подготовила Анастасия Губанова.
«Заря Урала», 2014 г., № 35.

Владимир Герасимович Костромин

(Вова Костромин - 2 года)

«Мы жили в деревне Вилия Жуковского района Брянской области. Когда немцы наступали, все со своими пожитками, со скотиной побежали прятаться в лес. Кто успел – тот скрылся, но успели не все. Наша семья спряталась. В лесу люди строили себе землянки и в них жили. Сколько

времени мы там находились, не помню...

У нас был дедушка с большим горбом, из-за которого он не был никуда годен – ни на войну, ни в партизаны. Он с нами в лесу жил. У него было четыре сына, в том числе мой папа. Один был холостой, а трое – женаты. И все они ушли на войну. Периодически дедушка ходил проводывать семьи двух других своих сыновей. Но мы с ним договорились, что если его вдруг немцы поймут, то погибать будем все вместе – пусть их ведет к нам. Так однажды дедушку немцы схватили. Он сделал все, как договаривались. Это было летом. Немцы сидели на лошадях, на лицах были надеты маски от комаров. Они погнали нас на открытое пространство в поле.

Там на тот момент уже очень много народу было. Дали указ всех людей рассортировать по группам: женщины с маленькими детьми, девушки, старики. Тогда у мамы нас было три брата и три сестры. Самые маленькие – это я и брат, а старшей сестре уже тогда шел 13-й год, и она попадала в другую группу – к девушкам. Сестра взяла меня

на руки и просила меня обнимать ее и называть мамой. Немцы женщин с маленькими или грудными детьми не трогали, не насиловали. Так сестра моя попала к нам с мамой в одну шеренгу.

Всех людей расположили буквой «П» и поставили на колени. Что-то зачитывали, что-то говорили нам на русском языке, но слышно было плохо. Помню, сказали, что были пойманы партизаны, которых сейчас к нам приведут, чтобы казнить. Привели троих, не знаю, партизаны это были или первые попавшиеся люди. Этим мужчинам было где-то лет 30, все избитые, в крови. Их расположили в центр, так, чтобы все видели, что-то им зачитали и тут же расстреляли. Мы еще какое-то время стояли там, а потом нас куда-то погнали через поля, через леса. Пригнали в какие-то бараки с выбитыми окнами. Кругом валялись двери и стекла.

Нас расселили по группам. После этого разделения я нашего дедушку больше не видел, наверное, там он умер. Все, что мы с собой везли на повозках, у нас отобрали. Остались мы лишь с тем, что было на нас надето.

Никакого отопления внутри барачков не было, а территория, на которой мы находились, была огорожена колючей проволокой. Внутри помещения в углу стоял здоровый котел, где находилась еда: вода, намешанная иногда с чечевицей, иногда с чем-то другим. Люди вставали в очередь, а какой-то полицаи зачерпывал еду и каждому понемногу наливал. Притом расчет еды был только на тех, кто сам смог подойти за ней, а тем, кто по каким-то причинам не мог подойти, еды не давали.

Большую часть времени все взрослые, и моя старшая сестра в том числе, отправлялись куда-то работать. Дети оставались совершенно одни. Они так и ползали в помещении по стеклам, по мусору, который лежал на полу. Кричали и плакали, и некому их было успокоить.

Если в то время, когда взрослых не было, кто-то из детей умирал, то он так и оставался лежать на своем месте. Когда мертвых становилось много, только тогда убирали. Притом хоронить не давали, тела собирали на коляску и куда-то увозили.

Спустя какое-то время нас ночью посадили в товарные вагоны, и мы отправились в путь. Ехали несколько дней. За это время нас никто не кормил, а поезд периодически попадал под бомбежку. Умирало очень много людей. Мертвецов выкидывали из вагонов на станциях и ехали дальше. Мы приехали в новое место у реки, которое тоже было огорожено колючей проволокой.

Здесь стояло много танков, но из них никто не стрелял. Сколько мы здесь находились, я тоже не знаю. Но через какое-то время к нам приполз российский разведчик. На вид – подросток, весь в оборвышах. Он сказал, чтобы мы держались, наши наступают и скоро всех освободят. Мы сперва все очень обрадовались, а потом подумали, что когда немцы будут отступать, то всех пленных расстреляют. Но когда на утро мы проснулись, вокруг царила тишина, никого не было, не осталось ни одного танка. Мы повыбежали оттуда все кто куда только может. А где-то после обеда наши начали подходить к тем местам. Я запомнил, что они были на дохлых лошадях, раненые в повозках. И никакой техники. Я подумал тогда еще: «Как немцы могут от таких людей убежать?»

Мы с солдатами отправились в одну из деревень, где нам натопили бани, накормили и распределили по хатам. Так мы и жили там, и побирались. Домой к себе вернулись только на День Победы. Довезли на поезде в район, а оттуда мы уже пешком отправились к себе. До дома было 15-20 км, идти было очень тяжело, все же измучились, устали. И сил неоткуда брать, ведь еды не было. Я от усталости несколько

раз падал и говорил, что не могу больше идти. А взрослые хитрили, говорили, чтобы я снял свои штанишки, что якобы мне будет легче идти. Я верил и так проходил еще метров 200 и снова падал. В итоге до дома мы все-таки добрались, но от деревни нашей ничего не осталось – все сожжено.

Мы вернулись в землянки, в которых прятались в начале войны. Еды никакой не было – ягоды, грибы еще не выросли, трава только-только начала появляться. Бабушка моя тогда отправилась в лес и принесла оттуда каких-то грибов. Сказала, что сперва сама поест, и если с ней ничего не случится, то и мы ими можем питаться. Так грибочки эти нас выручили. А потом трава появилась – начали ее есть. Правда, тогда приходилось терпеть набегии полицаев и власовцев, которые от наших солдат укрылись в лесу. Ночью они выбирались в деревни, грабили людей, забирая последнее, и насиловали молодых девок...

После войны от отца нашего ничего не осталось, ни фотографий, ни документов. Ведь когда нас немцы схватили и погнали, мама спрятала их в дерево, а потом сколько не искала так и не смогла найти. А сохранить их тогда нельзя было. Если бы немцы узнали, что отец был партийным, то точно расстреляли бы всю нашу семью.

Владимир Герасимович Костромин имеет удостоверение, что он был несовершеннолетним узником концлагеря в годы Великой Отечественной войны. Все, что знает Владимир Герасимович, что концлагерь находился на территории России».

Подготовила Алеся Копылова.

Фото: Вадим Аминов.

«Вечерний Краснотурьинск», 2015 г., № 11.

Сергей Федорович Кривоногов

«Все четыре года, что длилась Великая Отечественная война, краснотурьинский ветеран Сергей Федорович Кривоногов провел на фронте. По словам 97-летнего мужчины, особенно страшно было только во время первого – «крещенского» – боя...

В военном билете ветерана Кривоногова стоят отметки об одиннадцати полученных медалях и орденах. Но на кителе их всего восемь. По словам Сергея Федоровича, медалей было ограниченное количество, хватало не всем. А выпрашивать награду потом в военкомате совесть не позволяла. А один орден Красной Звезды ветеран подарил своему внуку, который живет в Орле, «чтобы смотрел на орден и деда вспоминал». Родился и свое детство Сергей Кривоногов провел в деревне Родина, которая расположена неподалеку от Камышлова. Несмотря на то, что отец Сергея Федоровича был председателем колхоза, их семья богатой не была.

– Почему-то сотрудники милиции приняли нашу семью как «кулаков», – вспоминает Сергей Федорович. – А по постановлению Политбюро в то время всех «кулаков» раскулачивали. Вот и нас сослали в поселок Туринские Рудники, работать на Медную Шахту. Мне тогда было 13 лет, но работать приходилось так же, как и взрослым.

В 1941 году, когда началась Великая Отечественная война, Сергею Кривоногову исполнилось 23 года. В армию

его призвали еще до начала боевых действий.

– Мне даже не дали закончить техникум, где я учился, – вспоминает ветеран. – 4 июня пришла повестка в армию – срочно прибыть. Спустя два дня меня уже забрали... Многих тогда позабирали. Как сейчас помню, бабушки во дворе ревели, что нас отправляют в армию, ведь тогда все уже «трещали», что будет война с немцами.

Сергей Федорович Кривоногов попал служить в Свердловск в 580-й саперный особый отдельный батальон. Когда началась война, его направили в Ленинград, там все время войны и служил краснотурьинец.

Как вспоминает Сергей Федорович, страшно было очень часто, но особенно ему запомнился самый первый бой.

– Это было мое боевое крещение, – рассказывает ветеран Кривоногов. – Мы только подъехали к станции под Ленинградом. К какой именно, я сейчас уже и не помню... Вышли из поезда, и вижу – на нас летят три немецких самолета. А в армии ведь все по команде делается. Команду никто никакой не отдает... Мы стоим как истуканы, а немцы из пулеметов давай по нам стрелять. Пули как мухи летели, слышно было только свист и как они листья кустов пробивали. И тут командир дал команду: «Всем в укрытие!», а куда прятаться, если мы на открытом пространстве? Передо мной были большие кусты, я прыг туда... А свист пуль не прекращается. Это продлилась минуты три-четыре, а потом – тишина. Думаю, все, улетели, и я жив и здоров.

По словам ветерана, когда он вылез из кустов, первого кого увидел, – это начфина, который был очень бледный и слова сказать не мог. А ветеран Кривоногов засмеялся. От пережитого страха. Именно это событие запомнилось краснотурьинскому ветерану больше всего. Потом у Сергея Федоровича было много боев, и тоже было страшно. Но не так, как в первый раз.

После окончания войны, Кривоногов, как и большинство солдат Красной Армии, остался служить дальше. В 1946 году в Ленинграде он встретил свою будущую супругу и женился. Первый отпуск ему дали только в 1948 году.

– Естественно, я поехал к родителям, но уже не в поселок, а в город Краснотурьинск, – вспоминает ветеран. – Родители стали меня уговаривать вернуться домой. Через год мы с семьей перебрались сюда.

В 32 года – уже после демобилизации – Сергей Федорович окончил техникум и устроился на работу в Богословское рудоуправление, где трудился 36 лет. Сейчас ветеран живет в поселке Медная Шахта. В городе живут его дети и внуки, которые часто навещают своего героического родственника».

Максим Глазков.

Фото: Максим Глазков.

«Вечерний Краснотурьинск», 2014 г., № 23.

Татьяна Станиславовна Лисюткина

(Таня Ясинская – 2 года)

«...Когда папа нас провожал на вокзале, он держал меня на руках и плакал. Из двух дочерей я была младшей, старшей шел пятый год. Нам пришлось эвакуироваться, потому как первой под бомбежку попала Украина, мы тогда жили в Новоград-Волынском городе Житомирской области. Уезжали на Урал. Там в Кыштыме в Челябинской области жила мамина сестра. Прибыли на место, нас с сестрой сразу определили в детский сад, помню даже, как мама зимой нас туда на санках возила. А сама она устроилась работать кастеляншей в гостиницу.

Я не могу сказать, что жили мы плохо. В садике кормили нас хорошо. А когда сестра заболела, ее отправили в санаторий на лечение. В то время, как мы с мамой ее навещали, работники нам отдавали еду, которую дети не съедали. Нам не было голодно...

Раньше папа служил в пожарной части, а когда началась война, его взяли в пехоту. Он был сержантом. С войны от него писем мы не получали. С ним осталась всего одна фотография. Еще в 1941

году после ранения он к нам из госпиталя приезжал, и они с мамой сфотографировались. Это был последний раз, когда они виделись. В мае 1942 года папа погиб. Его захоронение находится в Карелии. Мама, когда получила похоронку, сразу поверила, что он не вернется. Это ведь был официальный документ...

После войны мама захотела обратно вернуться в Украину, она просто рвалась туда, а наша тетя не хотела ее отпускать, ведь там все разбомбили. Но мы все же отправились в путь. Назад, домой, мы ехали на товарном поезде – тогда все так передвигались. У поездов не было расписания, и на остановках на станциях никто не знал, когда мы вновь тронемся в путь. Как-то ночью мама пошла за кипятком, а поезд отправился. Мы испугались, заревели. Все, кто был в вагоне, принялись нас успокаивать. Мама, когда увидела, что поезд уехал без нее, попросилась на ближайший военный состав, а их в те годы пропускали вперед гражданских, без очереди. Так она нас догнала. Еще во время этого пути мне запомнилось, как на одной из станции трупы

военнопленных выгружали из вагонов и складывали на перроне...

Для нас годы после войны оказались намного тяжелее, чем военное время. Первое время в Новоград-Волынском мы жили в подвале кинотеатра. Потом оттуда переехали в комнату в частной квартире. Жили голодно. Тогда не было ни хлеба, ничего. Хозяйка квартиры чистила картошку, а нам очистки отдавала. Их мы на плиту клали, жарили и потом кушали...

Чуть позже нам, как семье погибшего, дали комнату в военном городке в квартире с соседями. Но и здесь мы питались, чем могли. Мама постоянно готовила картофельные драники, при этом моей обязанностью было чистить картошку на всю семью. Чтобы печку растопить, я собирала щепки, которые оставались после того, как местные офицеры дрова кололи. Иногда мне приходилось с соседскими детьми нянчиться, хотя мне самой тогда всего семь лет было. А вскоре я пошла в школу. Помню, как в 1953 году мы все плакали, когда узнали, что Сталин умер, не понимали, как жить-то дальше будем?..

В те годы дети дома сидели только зимой, а в теплое время года все время где-то бегали. Мы играли в «Город и село», «Чижика», лапту, «Испорченный телефон», и у нас даже была своя тимуровская команда, под которую нам отдали старый сарайчик. Играли мы и в волейбол, и на речку ходили, собирали осколки старой посуды, закапывали «секретики» и потом сравнивали, у кого красивее получилось?

Подготовила Алеся Копылова.

Фото: Вадим Аминов.

«Вечерний Краснотурьинск», 2015 г., № 3.

Валентина Александровна Маврина

«Валентина Александровна Маврина – ветеран труда, труженик тыла, работающая, трудолюбивая, добрая женщина, которая более 20 лет проработала в Краснотурьинской воспитательной колонии ГУФСИН России по Свердловской области.

Родилась она в 1923 году в деревне недалеко от города Магадана. Судьба Валентины Александровны сложилась непросто, на долю ее поколения выпали тяжелые испытания. Конечно, разве легко рассказать о том, в какие ты годы жил, какая неимоверная тяжесть легла на женские плечи.

Всю жизнь ей приходилось тяжело трудиться. Работать она начала в дошкольном возрасте.

– Жаркое лето, погибает урожай гороха, засуха, – вспоминает Валентина Александровна. – И вот нас, семилеток-дошколят, выводят в поле, дав маленькие ведерочки. Мы собираем осыпавшийся горох, к вечеру набираем по несколько мешков. Так мы помогали спасти урожай.

Учиться не было возможности, Валя окончила всего 5 классов, с 13 лет начала работать в колхозе. Делала все: участвовала в заготовке дров, возила их из леса на подводе, работала на току и в поле. Тогда машин не хватало, все делали вручную.

По семейным обстоятельствам Валентина Маврина уехала в Узбекистан к тете, которая уговорила продолжить учебу в школе, и Валя стала учиться. Одновременно работала на ткацкой фабрике. Казалось, жизнь стала налаживаться. Валентине исполнилось 18 лет, и тут началась война...

Пришлось вернуться к родителям в деревню, и опять тяжелая работа на лесозаготовках. Однажды Валентину едва не придавило падающим деревом. Трудовая норма – неподъемная, а паяк – скудный: только овес и картошка. Нужно было и деревья валить, и сучья рубить, и бревна распиливать.

В тылу не хватало квалифицированных кадров, поэтому молодую девушку направили учиться на трактористку. Валентина выучилась и всю войну проработала на старом колесном «ЧТЗ», который часто ломался. Ремонтировали и таскали тяжелые детали трактористки сами, работали от зари до зари, мерзли и голодали. Эти скромные труженицы кормили хлебом фронт. Им было очень тяжело, но они не роптали, верили в Победу и приближали ее как могли.

Когда Великая Отечественная война закончилась, жизнь улучшилась не сразу. Надо было восстанавливать страну после военной разрухи...

Вместе с мужем, участником обороны Ленинграда, приехала в город Краснотурьинск, где строился Богословский алюминиевый завод, который уже давал первый металл. И снова тяжелый труд на стройке...

Когда в Краснотурьинске открыли трудовую воспитательную колонию, Валентина Александровна работала там в швейном цехе, в теплицах, на подсобном хозяйстве. Она выполняла скромную, казалось бы незаметную, но необходимую людям работу...»

«Заря Урала», 2014 г., № 35.

Тамара Архиповна Мамаева

(Тамара Липанина – 10 лет)

«Конец июня, 1941-го... Мы, дети, толком и не поняли, что произошло. Жили в селе Новое Тюрино теперешней Оренбургской области. В один день взрослые отчего-то заохали, заохали между собой. Старухи обсуждали, что пришла война. Задела она нас или нет, непонятно было.

Старший брат на тот момент уже служил в армии. Его оттуда сразу и забрали на фронт. Домой назад он не вернулся, погиб в плену у немцев в конце мая 1945 года...

Помню, как уезжал отец. О том, что он уходит на войну, меня не ставили в известность. Он собрался, но перед тем как уехать, зашел ко мне, чтобы поцеловать. А когда вышел, мне вдруг неожиданно привиделся бугор, как будто могила его. Я вцепилась в дверь. А он в тележке уже сидел, смотрел в сторону дома, думал: выбегу я или нет. Мама повезла его, я выбежала, и отец ей тут же крикнул : «Поля, гони лошадь! Быстреей гони». И они умчались. Потом пришла соседка баба Дуня и забрала меня к себе домой успокаивать. Я до сих пор понять не могу, почему папу забрали на войну, ведь он так сильно болел? Он даже ел с трудом. Что это за болезнь такая не знаю. О ней у него были где-то документы, но их, по-видимому, так и не выслали к нему на фронт, а так, возможно, он бы вернулся к нам...

Когда шла война, я и другие дети работали вместе со взрослыми. Работали в поле, на комбайне. Там росли и пшеница, и подсолнухи. За урожаем нужно было следить, его нужно было убирать. Мы мешки перетаскивали и в транспорт скидывали. Каждый мешок весил 40 килограммов. Брались за него вдвоем с кем-нибудь из женщин или детей и тащили. До сих пор не пойму, откуда мы брали силы? Ведь сколько мне было тогда? 11-12 лет. Дети тогда делали то, что нужно, и ни один не болел и не жаловался на то, что тяжело. А было тяжело.

Сосед Семен, с которым мы работали вместе, несмотря на то, что я такая маленькая, доверял мне любую работу. Утром за мной заходил, чтобы с собой взять. Мать, бывало, даже говорила, чтобы он оставил меня в покое, дал подольше поспать. Но я все равно рано просыпалась и шла работать. А мне ведь и завтракать приходилось в поле, и обедать. Домой вечером вместе со всеми возвращалась грязная, голодная. После этого надо было выполнять работу в своем огороде – полоть, копать. Но труд мой все ценили. Приходилось ведь за двоих работать.

Помню, что были снопы, которые, по идее, один человек должен разрезать, а другой трясти. Так я делала и то, и другое. Все были заняты трудом. Сестра старшая, Клавдия, была весовщицей и занималась своей работой. Мама занималась той же работой, что и в довоенное время – наливала воду и отвозила ее на лошади к тракторам.

Зимой тоже трудились. Было что-то вроде совхоза. Там находились коровы, телята и другой скот. Я их кормила, поила, убирала за ними, а когда готовилась еда для них, я ее мешала. Ночью, бывало, мы ходили в караул, а вокруг волки бродили. Им дай волю, они всех овец удавят. Стояли специальные железки, похожие на рельсы, и мы по ним колотили, таким образом отпугивая волков. Боялись они не

только шума, но и огня. У нас были яркие лампы, с которыми мы вокруг сараев со скотом ходили. Часто доверяли такую работу детям, потому что мы шустрее взрослых. Но волки нас не боялись, не так сильно боялись их и мы. Бывало, пойдем куда-нибудь, а они сидят вдоль дороги и смотрят на нас, а мы на них. Для нас они были как собаки, только умнее...

В те годы меня утешало лишь то, что войны мы не видели. Но и над нами нет-нет, да и пролетали самолеты. Было страшно. Мы на печку залезем все втроем – мама, сестра и я – обнимемся и ждем. Ведь если умирать, то всем вместе. Плакали...

Рак у мамы обнаружился в военные годы. Я училась в пятом классе, когда у нее начались серьезные проблемы со здоровьем. Я ушла из школы, чтобы мама могла в больнице лечиться, а я занималась домашними делами... В 1945 году в мае закончилась война. А в первой половине лета того же года не стало моей мамы. Помню, что в тот самый день мы с сестрой пололи в поле, когда нас позвали. Сестра побоялась к ней заходить, она ведь все знала, она за ней в последнее время ухаживала. Зашла в ее комнату я без Клавдии. Мать обтерли святой водицей и попросили выйти, но не сказали, что она сейчас будет умирать. А я еще тогда обратила внимание, что она храпит, и подумала, что она сейчас заснет хорошим сном. Но она умерла...

Возвращения отца после войны мы даже не ждали. Быстро поняли, что в живых его нет, ведь писем-то не приходило. Это было не просто так. Не знали, в какой год он умер и где. Выяснила это моя дочь совсем недавно. Оказалось, что в 1943 погиб. Я до сих пор скучаю и плачу. Сама еле хожу, но на руках бы все равно его носила, если бы он был жив...

После Войны Тамаре Мамаевой, в девичестве Липаниной, тоже пришлось несладко. Оставшись без родителей, надо было как-то жить дальше, учиться, работать. Она выжила. У Тамары Архиповны появилась своя семья и двое детей – сын и дочь. Сейчас у нее три внука и шесть правнуков».

Подготовила Алеся Копылова.

Фото: Вадим Аминов.

«Вечерний Краснотурьинск», 2014 г., № 27.

Сергей Васильевич Марчуков

«Приказы не обсуждаются. Ни ночью, ни после длительного марша, когда пехотинцы буквально попадали на землю вповалку, не имея сил удобно расположиться на отдых. Едва сомкнули веки, как всех подняли по тревоге: надо было сменить место дислокации, и среди ночи батальон тронулся в путь. Все были до того усталые, что ноги не слушались. Но Сергей Васильевич Марчуков, как и другие, не отставал и старался двигаться без шума. Августовские ночи в Латвии бывают такими теплыми и тихими, что любой шорох слышен изрядно. Упомянутые события разворачивались под Елгавой в августе 1944-го.

- После нескольких часов ходьбы вышли на шоссе, - вспоминает Сергей Васильевич. – Приказали окопаться и мы сразу в кювете, под прикрытием поросли ивняка, стали зарываться в землю. Командир батальона Гладышев расположился в бетонной трубе, пролегающей под дорогой. К утру окопы были готовы, и налет вражеской авиации практически нам не навредил.

Восход солнца позволил ознакомиться с местностью. С одной стороны – шоссе, а за нами - ровная луговина, поле с созревшим овсом и горохом. Оно простиралось метров на

300 в ширину и обрывалось у широкой реки Лиепупе. Сразу за ней находилась линия вражеской обороны, и, когда нас засекли, оттуда стали сыпаться мины.

Все бы ничего, обстановка привычная, но старшина батальона Кононов взял да и потерял нас, а всех ездовых перерезали латышские «лесные братья». Остались мы без хлеба, каши и воды. Как назло, фляжки были пустые, ночью-то заполнить не успели. Хорошо хоть махорка имелась, моршанская, душистая. Покуришь и голод будто отступает. Первый день перетерпели под немилосердным солнцем. На второй – погода ещё жарче. Чудно, если вдуматься: рядом река, а мы от жажды умираем. Конечно, кто-нибудь и рискнул под вражеским огнем сползать, но приказа не было.

Третий день впроголодь и без воды стал настоящим испытанием. Когда я делал в скопе «лисью нору» (подкоп вниз и в сторону на случай танковой атаки), то визуально определил, что мой участок пониже всего луга, почти на уровне реки. Изнывая от жажды, решил углубиться.

Вскоре земля стала влажной, после слоя глины встретился мокрый песок с пеной. Начала собираться вода. Срезав в поле несколько соломинок, соединил их трубочкой и, воткнув в жижу, начал сосать. Первый глоток стал истинным счастьем. Едва удержавшись от жадного порыва, подождал, чтобы вода скопилась. Напился ещё. Немного погодя спрашиваю Петьку Яковлева, соседа (воспитанника мурманского детдома, надежного товарища):

- Пить хочешь?

- Тебе что, в глаз заехать? – разозлился друг.

Пришлось потянуть его за рукав и показать: пей, но тихо, без шума. После него в моем окопе побывал весь взвод, а командир, отрывая взгляд от соломины, смотрел на меня, как на Бога».

Александр Никишов.
«Заря Урала», 2004 г., № 50.

Зинаида Николаевна Минакова

(Зина Мошечкова – 6 лет)

«В нашей семье было только два ребенка – я и брат, который был младше меня на два года. К родителям мы относились с уважением, даже обращались на вы. Когда началась война, родителям моим было по 27 лет. Папу Николая Иосифовича Мошечкова сразу забрали на фронт. И уже 23 сентября 1941-го он погиб в лесах Кировского района Ленинградской области.

Мы жили в Казахстане в Акмолинской области в руднике Даниловка. Тут уже тогда была десятилетка-школа, пятилетка-школа для казахов, больница, почта,

казенные дома, телефонная станция, магазин, детский сад и висело черное круглое радио. Отец был радиотехником, и жили мы при радиостанции. У папы было несколько кабинетов, где он постоянно сидел в наушниках.

Когда папа получил повестку, мама плакала. Отец ее успокаивал, говорил, чтобы она не переживала, что мы всех победим, а он вернется. Перед уходом дал наказ беречь детей. Мама до войны нигде не работала. Но, когда она началась, устроилась на телефонную станцию телефонисткой. И мы переехали жить туда. Когда отец погиб, наша жизнь стала тяжелее. В 1942 году мама устроилась на работу на шахту. И снова нас ждал переезд. Новым домом стал шахтерский барак. Конечно, позже стали строить уже свой домик. Делали его из пластов лесного

дерна. А когда я была уже в старших классах, то строили дом побольше из глины, перемешанной с сеном...

Чего не хватало в военные годы? Конечно, хлеба. Спасались как могли. В сезон дождей и снега, после сбора урожая, остатки на полях собирать не разрешалось. Если увидят, поймают – посадят на 5-10 лет. Женщины, и моя мама в том числе, одевали несколько брюк и внутрь тех, что ближе к телу, прятали колоски. В карманах ведь основных штанов найдут, а туда не полезут искать...

Хлеб стряпать не получалось. Его мы брали по карточкам – по 350 граммов на человека. Пункт выдачи находился от нас в двух с половиной километрах. Маленькая булочка хлеба была сырой, непропеченной и от нее еще что-нибудь умудрялись отрезать, если вдруг вес окажется больше, чем положено. Карточки хлебные, бывало, теряли, а бывало, их просто крали у нас. Такая утеря означала, что мы будем без хлеба месяц сидеть. Спасало то, что дома была своя корова.

Кушали летом, что природа дала – семечки, морковку, солодку, заваривали травяные чаи... Очень любили молодые березовые веточки. С них счищали кожицу и клали их на муравейник. Через какое-то время стряхивали муравьев и потом посасывали уже кисленькие веточки.

Когда мама уходила работать, все по дому и хозяйству было на наших с братом плечах. Поили скотину, пололи огород, варили картошку, воду из колодца приносили, поливали рассаду. А мама у нас была очень трудолюбивая. Она не жалела сил, старалась нас одеть, обуть, прокормить. Как одевались мы? Мама из всего, что можно, шила. Она хоть и не была религиозным человеком, но каждый год мне ситцевое платье на Пасху шила. Остатки ткани увозила и продавала в соседнем городе. На вырученные деньги покупала хлеб.

Школьная сумка была пошита из парусины, мама на ней даже зайца вышила. Тетрадей, бумаги не было. А учиться как-то нужно. От отца оставались книги по радиотехнике, в которых оказалось очень много схем. И эти листочки, на которых было мало печатного текста, стали самыми ценными для нас. Мы писали на них. Вместо ручки использовали палочку, к которой привязывалось перышко. Из сажи делали чернила. Самой черной была березовая. Ее мама кипятком разводила и наливала в непроливашки...

Во время войны к нам в Даниловку привезли немцев с Повольжья и ингушей с Кавказа. Немцев переселяли к нам, опасаясь того, что они окажутся предателями. Но они были обычными людьми. С переселенцами жили дружно, хоть и ингуши у нас воровали с огородов. Никто за это их не ругал, все понимали, что они голодные и у них нет ничего.

...Знаю, как умер папа. Он отправился в армию с другом дядей Колей. Их забросили с радиостанцией в ленинградские леса. Дядя Коля пошел в поселок за продуктами, а папа остался в лесу. По возвращении папин друг увидел столб земли – село бомбили. Когда он оказался в лесу, то увидел, что от папы моего и радиостанции остались лишь останки. Дядя Коля вернулся с войны и рассказал нам, как папа погиб. Но мама продолжала верить в то, что он жив... Она мысленно ждала его все время...».

Алеся Копылова.

Фото Вадима Аминова.

«Вечерний Краснотурьинск», 2014 год, № 35.

Ольга Севастьяновна Николаева

(Оля Фролова – 3,5 года)

«Ольга Севастьяновна Николаева - отличник народного просвещения, педагог начальных классов.

- До войны мой папа, Севастьян Егорович Фролов, работал главным агрономом, ему дали квартиру в огромном

красивейшем доме. Одна половина этого дома принадлежала папе, вторая – председателю колхоза.

Этот дом находился на хуторе в Пензенской области Томалинского района, в деревне Лохмытовка, которая сейчас называется Березовка. Нам от дома отошли две комнаты

и дубовые сени, где мы держали корову. Дом этот принадлежал раньше помещику. И как-то мама, Елена Петровна, на чердаке граблями что-то ковыряла и выгребла кучу старинных красивых денег, и мы, дети, ими потом играли. Видимо, помещик этот, когда покидал дом, рассчитывал туда вернуться, вот и спрятал их...

Ольга Николаева с благодарностью вспоминает свою маму, которая все делала для детей. В военные годы им она отдавала последний кусок хлеба.

Папу своего я почти не помню. Помню только, что он был высокий, красивый и стройный... В 1941 году он в возрасте 32-х лет ушел добровольцем на фронт, хотя на нем была «бронь», чтобы осуществлял трудовую деятельность на благо армии. Он был коммунист, патриот и – отказался. Решил, что на фронте будет нужнее. С войны он все время

писал нам письма. Помню эти конверты-треугольнички. Помню слова из его письма: «Я верю в победу, но даже если я погибну, мои дети будут счастливы...» А нас, его детей, на тот момент было трое. Папа в письмах рассказывал про наступления, жизнь в окопах, постоянный холод... Все время спрашивал про меня и братьев. А мама его никогда не расстраивала, говорила, что у нас все хорошо, и просила его возвращаться с победой.

В военные годы мы жили, наверное, как и все дети того времени. Летом были на подножном корму, то есть, по сути, ели траву. Рвали анис, растение пряничник, какие-то ягоды. А что мама готовила? Помню, как я ревела, не хотела есть ее суп. А был он из свекольных листьев и – ни капли жира. Спасала, конечно, корова. Брат мой работал в колхозе с десяти лет, косил нашей корове сено. Было очень голодно. Мама даже ходила по семь километров за мучелью. Мучель – это что-то вроде ненастоящей муки, из которой можно было стряпать различные лепешки. Но она такая черная была, а получавшиеся оладьи – невкусные. Мама целыми днями работала – от зари до глубокого вечера, да и детям работы хватало. Мама всегда перед уходом наказывала кому что сделать. Например, мне, бывало, давала ведро картошки натереть, смолоть чашечку зерна. Из этого потом хлеб готовился. Тесто по всему противню растекалось, но этого стоило ожидать – в основном, одна картошка же была. Еще надо было следить за огородом, где, в основном, росла опять же картошка. Времени на отдых и веселье никогда не было. Мы ковали победу в тылу.

В школу когда мы пошли, никаких нарядов у нас не было. Одни валенки на всех троих. Хорошо, что учились в разные смены. Один приходит, снимает одежду, другой тут же ее надевает. Я же и в училище уже когда поехала, пальто брата носила. Если вдруг какая-то обновка появлялась у нас,

то мы ее очень старательно берегли. Новые ботиночки подмышкой таскали, а сами босиком шли. Бывало, мама покупала ситец и отдавала его одной украинке, которая хорошо шила. Я потом одевала новенькое платье, шла и думала, что красивее меня, наверное, сейчас никого нет. Всегда такая радость была от этих новых приобретений. А еще мама очень хорошо вязала. Делала она это по ночам. Вязала на всю деревню, а люди за это ей давали различные продукты.

В школе учились мы хорошо, без троек, уроки делали при свете фитиля, и не дай Бог кто случайно дунет и погасит. Спичек же не было, чтобы огонь разжечь. Я очень любила своих учителей, и они меня тоже, даже тетради доверяли проверять. И у меня была мечта стать учителем. Когда закончила семь классов, а тогда семилетка была, я поехала сдавать экзамены. Из девяти человек я единственная прошла по конкурсу, вот и сложилась судьба.

...Бывало, над нами пролетали самолеты. Не знаю чьи – наши или вражеские? А у нас на хуторе была различная сельскохозяйственная техника. Мы боялись, что пилоты могут принять ее за танки и сбросить бомбы. И всегда при виде приближающихся самолетов мы занавешивали окна и прятались под стол. Самолеты пролетали очень часто, но Бог миловал.

...В День Победы была радость со слезами на глазах. Плакали от радости, плакали от горя. Маме сложно было. Она видела, как возвращался наш сосед и другие солдаты, а папы все не было. Про папу только один человек рассказывал, что видел его в бою и он был раненый, а после этого – все. Мы ждали его. Мама куда только можно писала, чтобы его отыскать. В 2005 и в 2011 годах пыталась хоть что-то узнать я. Но папа пропал без вести, даже военная часть, где он служил, не сохранилась...

Ольга Николаева всю жизнь проработала педагогом. Учительством она занимается и сейчас, находясь на пенсии. Обучает двух детишек из специальной коррекционной школы № 6. Работа ее ей нравится. «Если бы мне пришлось еще раз выбирать профессию, я бы вновь стала педагогом», – признается Ольга Севастьяновна».

Подготовила Алеся Копылова.

Фото: Вадим Аминов.

«Вечерний Краснотурьинск», 2014 г., № 37.

Ангелина Петровна Пелевина

(Ангелина Рыжкова – 2,5 года)

«Мы жили в Акмолинской области, в Казахстане. Отец Рыжков Петр Афанасьевич был председателем колхоза.

На войну его забрали 25 июля 1941 года, умер он в том же году 17 ноября. Папа до смерти постоянно писал нам письма. В каждом из них он говорил, что победа будет за русскими. Мы верили и ждали его домой... Похоронка пришла только в 1943 году. Мать не хотела верить в это. Даже после войны, даже сама умирала, но верила, что папа жив...

Ангелина Петровна приехала в Краснотурьинск еще школьницей. Здесь она окончила школу. У женщины двое детей, четыре внука и три правнука.

- Нас было трое в семье: я – самая младшая и еще две

сестры. Военные годы были очень трудным временем. Мать работала в колхозе. Утром уходила и возвращалась к ночи. Работала она на элеваторе с зерном. В ее отсутствие вся ответственность за содержание дома легла на плечи старшей сестры. Когда отца забрали на фронт, ей было семь лет, в восемь она уже доила корову. Средняя сестра была на год младше, и она помогала.

Праздников мы не знали, не отмечали их. Но как-то перед Новым годом на элеваторе женщинам дали немного муки, и они состряпали пряники. Позвали за гостинцами самых маленьких – по одному из семьи. И я там была. Место, где раздавали сладости, находилось в четырех километрах от колхоза. Чтобы получить кулек с пряниками, нужно было рассказать стихотворение. Я получила сладости, и мы с мамой пошли домой. Я кулек покрепче прижала к себе и всю дорогу так несла. Ни одного пряника не съела. И только когда мы дома оказались, все вместе чай с ними пили.

Питались в военные годы мы плохо. Готовили часто мелкую, как горох, картошку. Она пеклась в мундире, и пока была горячей, мы с сестрами ее руками чистили. Ели ее, макая в подсолнечное масло. С тех пор я не могу есть картошку в мундире, и масло беру только рафинированное...

У нас – детей – еще одно лакомство было: жмых от подсолнуха, содержащий шелуху и небольшие кусочки семечек. Его обычно в виде пластов отдавали на корм скоту. Мы бежали за повозкой, в которой этот жмых скоту везли, и просили извозчика, чтобы нам отломил кусочек. Не передать словами, с каким удовольствием мы это ели...

Помню, было сложно разжигать огонь в печи. Спички-то были, не было коробков, о которые они зажигаются. И мама привезла специальный камень, чтобы спички поджигать. Когда растапливала печку, к нам в дом приходили люди с совками, чтобы взять немного огонька.

...А как-то был случай, когда маму чуть не посадили. Мы жили в бараке. У нас была одна большая комната на всю семью. И почему-то всегда в ней останавливались временно пожить разные начальники. Как-то в колхоз приехали солдаты собирать урожай. Командир, который был за ними закреплен, жил у нас. Он не питался в столовой – нравилась мамина еда. Он, когда приезжал на обед на машине, меня садил в кузов с веником. А в этой машине зерно перевозили. То, что высыпалось, я сметала маленькими пригоршнями в ведро... Однажды к нам в дом пришли люди с обыском. Тогда за килограмм зерна сажали на десять лет. Они нашли мое ведро, в нем было почти полтора килограмма. Маму бы точно посадили, но за нее заступился тот командир, сказал, что это по его указанию я зерно сметала. Все обошлось...

В военное время между людьми была дружба. Бывало, собирались все, кто картошки принесет, кто капусты, угощаются за общим столом, песни поют, разговаривают, плачут. И мы – дети – сидели за печкой, наблюдали все это и плакали. А когда приходила кому-то похоронка, в эту семью шли все женщины, пытались поддержать и снова все ревели...

В 1945 году мы переехали из колхоза в совхоз. Было голодно. Жилось хуже, чем до войны. Хлебушка давали на семью 400 граммов в день. У нас была корова, но молока мы не видели – все сдавали государству. А сдавать надо было или молоком, или маслом, или сметаной. Мы сдавали сметаной. Остатки от переработанного молока шли нам в пищу.

Еще нас спасало то, что мама сама шила. Перешивала свои платья и одевала нас. Покупала немного ситца, и из него старалась сделать для нас всех платья.

После войны стало сложнее, особенно во взаимоотношениях между людьми. В школе дети, у которых отцы вернулись с войны, нас сторонились, считая нас нищими. Они говорили: «Я не буду с этой оборванкой сидеть». А во время войны была дружба. У всех ведь беда была тогда общая – война...».

Подготовила Алеся Копылова.

Фото: Вадим Аминов.

«Вечерний Краснотурьинск», 2014 г., № 29.

Александр Григорьевич Поломин

«Военная служба для Александра Григорьевича Поломина началась в январе 1942 года, когда он был зачислен на курсы снайперов от Серовского райвоенкомата. Затем продолжил обучение в Ирбитском учебном полку, который готовил для фронта стрелковый состав: автоматчиков, пулеметчиков, минометчиков, командиров расчетов противотанковых орудий.

После окончания курсов Александр Григорьевич был он зачислен на Юго-Западный фронт.

В одном из боев сержант особой полковой роты автоматчиков Поломин был ранен в голову с частичной потерей слуха и речи. Подлечившись в госпитале, вернулся в строй – в распоряжение 9-го армейского запасного стрелкового полка, который участвовал в освобождении

Запорожья, Таганрога, в битве за Днепр. 19 октября 1943 года в очередной атаке А.Г. Поломин был ранен во второй раз – сквозное пулевое ранение левого голеностопного сустава с повреждением костей.

Вернулся домой в 1944 году. Два года войны унесли здоровье молодого бойца, он был признан «негодным с исключением с военного учёта». Но он находит силы, чтобы жить и работать. Несколько лет Александр Григорьевич трудился в Управлении Турьинского медного рудника, затем на Богословском алюминиевом заводе, глиноземному производству он отдал 26 лет своей жизни.

Есть у Александра Григорьевича любимое занятие – чтение книг, причем читает он с особым упоением. К примеру, за прошедшую зиму он прочел четыре тома Зощенко. Книги он приобретает в книжных магазинах или по почте. А недавно ему пришла увесистая бандероль – «Золотой том А.С.Пушкина». В книге более 1200 страниц, здесь собраны все стихи, повести, сказки великого русского писателя.

Среди множества книг этой домашней библиотеки особое место занимает тетрадь в коленкоровом переплете, это воспоминания ветерана, большая часть которых посвящена военным годам. С разрешения автора мы публикуем несколько эпизодов из этих фронтовых записей.

Сентябрь, 1942 год, Ирбит, учебный стрелковый полк. До принятия присяги мы работали на дровяном складе, разгружали вагоны, устраивали своё жильё: переделывали конюшни (до нас здесь стояла кавалерия) под казармы. Вместе со мной оказались и мои земляки: Александр Артамонов, Иван Павлинин, Пётр Истратов, Иван Николаев. Зачислили нас в учебную роту автоматчиков. Спали мы вместе на нарах, ели из одного котелка.

7 ноября 1942 года приняли присягу, начались занятия. Из нас выжимали всё: особенно тяжело приходилось по строевой подготовке и на тактических занятиях в поле. Зима была очень холодной, мороз доходил до 40 градусов. Обувь - ботинки с обмотками, примерзала к земле. Правда кормили нормально, 1 килограмм хлеба на сутки и три раза горячая пища. И все равно есть хотелось страшно...

18 августа 1943 года. Получили обмундирование, нас одели, как на парад. Эшелон уже был готов к посадке. На следующий день весь Ирбит провожал курсантов, нас было около трех тысяч.

22 августа 1943 года. Состав прибыл на станцию Рамонь, Воронежская область. Получили оружие: автоматы по два диска и патронов, сколько в вещмешок влезет, по 2 гранаты, лимонки – по одной противотанковой, саперную лопатку. И по фляге стеклянной. Прибыл командир полка, гвардии майор Пасечник и спросил: «Кто желает в особую полковую роту автоматчиков?». Мы трое – Пётр Истратов, Иван Павлинин и я – вышли вперед. К нам присоединилось ещё человек 6-8.

29 августа 1943 года. Наши части взяли Таганрог. Мы шли вдоль линии фронта уже вторые сутки. Жара невыносимая, гимнастерки от пота и соли огрубели, в воздухе тошнотворный трупный запах. Вдруг видим – речка! Мы бросились в воду прямо в обуви и одежде. Тут же лошади пьют. Вода мутная даже черная стала, никто внимания не обращает, лишь бы глоток воды испить.

2 сентября 1943 года. Утром с марша сразу пошли в атаку. К полудню станция Иловайск была взята, следующая атака на немцев в селе Екатериновка. Наша рота попала в сильнейший минометный огонь. Здесь я был ранен в голову и контужен.

Конец сентября 1943 года. Выписался из госпиталя, направлен в 9-й армейский запасной стрелковый полк. Полк располагался в 10-15 километрах от передовой. Разместились в открытой степи, в шалашах из камыша. Ночи холодные, костры жечь нельзя. В наши шалаш попали двое штрафников, отбывающих наказание на передовой. Поинтересовался у ребят, за что наказание получили. А вот за что. Служили они в Тегеране (в то время, когда Тегеранская конференция трех держав была). Там служили и английские солдаты. Они приглашали наших ребят к себе в зону погостить, ну и «угощали». Русские от своего доброго сердца выпьют хорошенько, англичане под шумок снимут звездочку с пилотки гостя или пуговицу срежут с его гимнастерки. Значит, себе на память. А потом вытолкнут взащей на улицу. Вот так и попадали парни в комендатуру, а потом в штрафбат.

8 октября 1943 года. Вновь бои на передовой. Освободили несколько городов Запорожья, обороняли подходы к Днепру. 10 дней сидели в окопе под проливным дождем, шинель так намокла, будто два пуда на плечах.

19 октября 1943 года. После артподготовки пошли в атаку. К этому времени в роте оставалось 55 человек, потери были огромные, много раненых и убитых. Немцы сопротивлялись упорно. Мы попали под пулеметный огонь. И здесь меня ранило. Пуля пробила голеностопный сустав, нога отказала. С поля боя меня вынесли санитары. Так я отвоевался во второй раз.

7 ноября 1943 года я праздновал свой день рождения, мне исполнилось 20 лет. По случаю празднования очередной годовщины Октябрьской революции нам выдали к обеду водки по четвертинке на двоих. А вскоре в товарном вагоне меня привезли в г. Сталино (ныне Донецк), поместили в

здание магазина, где располагался эвакогоспиталь. Сделали операцию и наложили на ногу гипс.

20 января 1944 года меня выписали из госпиталя. Больные из моей палаты собрали мне в дорогу 20 пачек махорки, немного хлеба и сахара. Кроме того мне выдали ещё и сухой паек. Путь до дома был не близкий».

Подготовила Людмила Колесова.
«Заря Урала», 2012 г., № 54.
Фото из семейного архива.

Елена Васильевна Резникова

(Лена Никонова – родилась в 1941 году)

«Елена Васильевна говорит, что в военные годы мечтала наесться вдоволь хлеба, даже обещала себе, что когда вырастет, то не будет никогда себе в нем отказывать. Так и было первое время. Потом надоело...

Я родилась 22 октября 1941 года, а через две недели после этого забрали на войну моего папу Василия Никонова. Мама моя, Аграфена Андреевна, рассказывала, что он со мной попрощался и уехал. Вскоре прислал письмо-треугольник, где папа писал, что их направляют на восток. И уже в конце декабря пришло уведомление, что папа пропал без вести – поезд, в котором он ехал, разгромили.

Я помню только послевоенное время, когда мне уже исполнилось четыре года. Мы жили в Пензенской области Нижнеломовском районе в селе Гусевка. На мой взгляд, это было самое отсталое село, потому что там не было ничего – ни радио, ни света. У нашей семьи даже скотины не было. А нас в семье семеро детей росло, я – самая младшая. До шестилетнего возраста я не могла ходить. Сестра, которая была меня на три года старше, садила меня к себе на спину и на улицу выносила. Так и гуляла. У нас в селе дедушка жил глухой. Но странно то, что когда захочешь его позвать, он сам оборачивался и подходил. Он умел лечить народными средствами. Мама даже его к нам в дом приглашала, чтобы он меня посмотрел, на ноги поставил. Он мазь какую-то дал, и она помогла. Я стала ходить...

Жили мы – и во время войны и после – нее все время впроголодь. В период, когда урожай был собран, женщины, и мама моя в том числе, отправлялись в поля собирать еще несорванные колоски, а делать этого было нельзя. Если поймают – дадут семь лет. Надзиратели ходили, следили за тем, чтобы никто ничего не сорвал. Приходилось скрываться.

Кушали мы, что придется. Кормила нас земля. Мы рвали различные травы, анис, лесную дикую вишню, клубнику, крушину, кислый терн, дубовые желуди. Зимой питались исключительно гнилой картошкой, которую тоже мама собирала на полях. Только – в отличие от колосков – ее собирать было можно. Картошку эту мы сушили, толкли, и готовили из нее блины. Была и своя картошка, но до весны мы ее съедали. Даже очистки ели, поджаривая их на костре. Было у нас и мясо... Воробьиное... Мальчишки их из рогатки подстреливали, и приносили. Кушали и яйца воробьиные.

Тяжело, конечно, без папы жилось. Мы собирались с двумя соседскими девочками, садились на колоду и плакали, Богу молились, чтобы наши отцы домой вернулись с войны.

В конце 1946 года к девочкам тем пришел их пропавший без вести папа, а наш так и не объявился. Конечно, соседский мужчина был раненый, но по дому, по хозяйству помогал, работал. Им было проще.

Мама нас всегда приучала к тому, чтобы ни у кого ничего не брали, не воровали. Хотя мы как-то у соседей стащили один блин из гнилой картошки и съели. За это нас потом отлупили хорошенько. У мамы всегда была позиция такая: пусть мы голодные, холодные, но воровать не будем. Обидно вот только было другое свекор моей старшей сестры занимался сбором налогов. Он никого не щадил, включая нас. А мы тогда ничего не имели, а надо было и шерсть, и мясо, и все остальное государству отдать. Но нечем было платить. Свою картошку мы держали в подполье. И я сроду не забуду, как люди, собиравшие налоги, вытащили всю нашу картошку и облили керосином, чтобы мы ее не съели... А мы все равно ее пустили в пищу – кушать ведь что-то нужно было.

Когда брату исполнилось 10 лет, он не стал терпеть этих собирателей налогов, взял вилы и пошел на них. Они убежали, и больше к нам не приходили.

Чуть позже, конечно, мы стали жить лучше. Брат подрос, а мы купили теленочка и маленькую овечку. Мы за ними, как за детьми ходили, приглядывали. Брат потом в армию ушел, вернулся раненый, а через год умер. Он был единственным братом, остальные – сестры.

Когда пришло время мне отправляться в школу на учебы, к нам домой стала приходиться 73-летняя учительница, она занималась со мной. В школу мне нечего было надеть. До морозов-то, ладно, босиком бегала, а в холода босой по улицам не ходишь.

Помню, что учительница мне купила галоши и отдала свои чулки, чтобы мне было что на учебу надеть. Я с легкостью усваивала программу. И учительница моя

организовала для меня экзамен, после которого меня перевели сразу в третий класс я до этого числилась в первом.

Помню, когда мама была жива, нас все время навещала бабушка. Она жила в Харькове, привозила гостинцы, маме помогала, потому что у нас огород был 40 соток. Сестры мои в колхозе работали, а я маленькая была для этого. Но без дела не сидела, бабушка мне все время давала задания по огороду – прополоть что-нибудь. Помимо этого, я следила за скотинкой, которой у нас добавилось, помогала рвать траву на кукурузных полях...».

Подготовила Алеся Копылова.

Фото: Вадим Аминов.

«Вечерний Краснотуры́нск», 2014 г., № 47.

Валентина Никандровна Ридель

(Валя Невьянцева – 2 года)

«...О том, как жили в войну, я знаю больше со слов сестры. Сама плохо помню – совсем маленькой была. Нас было четыре сестры и два брата. Жили мы в деревне, находящейся в 12 километрах от Каменска-Уральского в небольшом для восьми человек домике три на пять метра плюс сени. Наша деревенька была совсем небольшой – одна длинная улица и дома без

номеров. Если почта к кому и приходила, то по фамилии находили получателя – все же друг друга знали...

Когда началась война, из деревни забрали всех мужчин, кроме председателя – у него инвалидность была. Работали женщины и дети-подростки.

Наш папа Никандр Николаевич ушел на фронт зимой 1941 года. Он был очень трудолюбивым, работал ветеринаром, хозяйство вел, успевал и валенки катать. Даже себе тулупчик сшил, в котором и отправился на войну. Папа попал в стрелковый полк, и вскоре его ранили. Погиб он 1943 году в Орловской области.

В военные годы маму мы не видели. Сутками она находилась на работе. Мы с братом, поскольку были самыми младшими, ходили в ясли. Там было все организовано. Мы приходили, с нас снимали нашу одежду и надевали другую. У девочек были одинаковые ситцевые платица, а у мальчиков штанишки на ляпочках и рубашечки. И если мы с яслями куда-то ходили, то всегда были в этой одежде. Мы, дети, не голодали. Уводила меня из ясель обычно заведующая, но сразу домой я попадала редко. То она меня к себе домой уводила, то кто-нибудь другой из соседей меня к себе заберет. Ночь переночую, а утром опять в ясли. Люди жалели маму, у нее же столько забот тогда было.

В военные годы кушать стали меньше. Все же начали на фронт отправлять. Остатки получали колхозники за свои трудовни. Еще население облагалось налогом – есть или нет скотина, надо было и масло сдать, и молоко, и мясо. Приходилось и голодать. В хлеб добавляли и картошку, и лебеду. Кушали щавель, побеги молодой крапивы, репейник, саранки. А была еще какая-то ядовитая трава, которую мы между собой называли гранатом. И ее мы тоже ели. Срывали аккуратно шкурку со стебля, а то, что внутри – кушали. Мы знали, что травка эта ядовитая, ведь если сок от кожицы попадал куда-нибудь на кожу, то там тут же вскакивали волдыри.

А лепешки из картошки для нас были просто настоящим ресторанным блюдом. Мороженный картофель мы в полях собирали. Как грибы его высматривали. Каждой картофелине радовались. По-настоящему спасал лес. Там собирали ягоды и грибы.

Школьников отправляли колоски в поле собирать, и мы их там тоже ели. Жарили на костре и ели. Это была настоящая вкуснятина. И еще мы ели коноплю, не знали, что это трава наркоманов. За деревней были огромные заросли конопли. Мы обычно связывали верхушки, а снизу платок стелили и колотили по растению. Семечки падали на платок. Они тоже очень вкусные. Съедобными были и семена льна.

Все-таки в деревне о людях беспокоились. Старались, чтобы мы все жили на равных условиях. Зимой выдавали валенки, осенью – ботинки, а летом босиком ходили. Все люди друг друга поддерживали, работали вместе, заготавливали сено для скотины, вместе собирали золу по домам, чтобы потом ее на полях в качестве удобрения использовать. А когда начали приходиться первые похоронки, это было большое горе для всей деревни. С войны вернулся только один человек. Этот мужчина был снабженцем и не участвовал в боевых действиях. Во время войны он посылал своей семье посылки, а уж когда домой вернулся, то привез целые чемоданы барахла. Его вся деревня ненавидела. Люди тыкали в него пальцем и говорили, что он всю войну под телегой провел».

Подготовила Алеся Копылова.

Фото: Вадим Аминов.

«Вечерний Краснотурыинск», 2014 г., № 51.

Александр Михайлович Родионов

«Жизнь прожить – не поле перейти. Так гласит русская пословица. Тем более, если поле жизни длиною в 90 лет. Столько лет исполнилось Александру Михайловичу Родионову. Мне и раньше приходилось встречать этого высокого интеллигентного мужчину с острым умным взглядом. Ходил он всегда неторопливо, с высоко поднятой головой с чем-то сосредоточенно думая. Да и не мудрено: за столько лет есть о чем вспомнить, и подумать...

Из своих девяносто Родионов шестьдесят прожил на Урале. В 1939 был призван на военную службу, которую проходил в Монголии. Там за бои под Халхин-Голом дважды был награжден медалями. Не обошла его стороной и Великая Отечественная. Участвовал в боях, получил тяжелое ранение и контузию. Госпиталь – и новый виток в судьбе.

В сентябре 1942 были сформированы две бригады из прибывших после госпиталей и непригодных для строевой службы солдат, направленных в запасной полк. Как им объяснили на лесозаготовки.

Вручили сухой паек, смену нательного белья и пешим ходом отправили на станцию. Сейчас уже не помнит Александр Михайлович её названия. Шли всю ночь и только к рассвету прибыли на станцию Котельничи.

- Погрузили нашу команду в теплушки, и отправились мы на Урал. Сказали, что будем строить временную электростанцию – ВЭС, вспоминает ветеран. Был конец сентября 1942 года. По прибытии сводили нас в столовую, распределили по специальностям, а вечером после бани устроили и жилье. Поразило, как было всё четко, строго, по-военному организовано. Не знали мы тогда, что попали в подразделение НКВД. Так началась работа в строительной бригаде в «Центроэргомонтаже», где я был зачислен

бригадиром. Вскоре мне по состоянию здоровья был предоставлен краткосрочный отпуск, чтобы я съездил в Калужскую область к семье, о которой на тот момент ничего не знал и очень тревожился... Начальником строительства на тот момент был генерал-майор И.П. Бойков...

История жизни Александра Михайловича Родионова – это история строительства нашего завода, нашего города. О строительстве плотины в 1943-1946 гг. он вспоминает, что работало там очень много заключенных и трудовармейцев-немцев, взрывали, дробили и грузили бутовый камень. А «камешки» весили до тонны! Большинство трудовармейцев трудились на опалубно-обшивочных работах, готовили экран плотины.

- По первому Генплану, - вспоминает Родионов, - сброс был не предусмотрен, - решили делать дополнительный водосброс.

Работы хватало всем: и трудовармейцам, и заключенным, и солдатам не годным к строевой службе... Было очень трудно, но ни погода, ни нормы не позволяли расслабиться. Пленные немцы на плотине не работали. Они, в основном строили дороги и подъездные пути. Но даже при таком количестве не хватало рабочих рук, специалистов по строительной технике, крановщиков, монтажников.

Возникла острая необходимость в подготовке кадров на местах. Приказом управляющего треста «Базстрой» А. Монастырского, опытного специалиста, Александра Родионова назначают директором строительного учебного заведения – школы ФЗО-57, где он проработал более тридцати лет. Готовили штукатуров, маляров, каменщиков, арматурщиков, отделочников. Срок обучения был определен в шесть месяцев. Этого времени не хватало, но «кадры решают всё». Строился завод, рос город...

Лилия Есаулкова-Пойкина.
«Алюминщик», 2001 г., № 42.

Владимир Ильич Салапин

«В 1941 году, когда началась Великая Отечественная война, Владимиру Ильичу было 15 лет. Он тогда жил в одном из поселков Рязанской области. Всех женщин и тех, кто старше 16 лет, отправляли копать противотанковые рвы, а подростки в это время трудились на железной дороге.

– Мы с ребятами бегали на станцию Шереметьево работать, хорошо хоть она недалеко находилась – всего за один километр, – вспоминает Владимир Ильич. – Мужчин почти всех забрали на фронт. Работать было некому, вот мы и помогали. Несмотря на наш юный возраст, работали, как взрослые: таскали рельсы, шпалы, забивали «костыли».

В один из таких рабочих дней Салапин впервые испугался за свою жизнь. События того дня ветеран Великой Отечественной войны вспоминает со слезами на глазах. «Работаем на станции, вдруг видим – летят самолеты, – рассказывает Владимир Ильич. – По эмблемам на бортах поняли, что это немецкие истребители. Один из самолетов сделал небольшой круг над нами, очень низко подлетел к земле, и... пилот начал нам махать руками, будто выгонял нас со станции».

Подростки побежали в близлежащий лес, спрятались там. И вскоре немецкие самолеты начали бомбежку железной дороги.

– Вот в тот момент нам стало очень страшно, что один из снарядов может попасть в лес, в котором мы прятались, – говорит ветеран. – Честно говоря, мы с друзьями даже с жизнью попрощались. Именно этот момент был для меня самым страшным в Великой Отечественной войне, да и за всю мою жизнь.

Салапин вспоминает: после бомбежки железнодорожная станция и пути были практически уничтожены. Потом они это все восстанавливали. Все те, кто в то время находился под обстрелом немецких самолетов, погибли. Убитых и раненых было очень много. «Мы долгое время не могли поверить в свое удачное спасение, – говорит Салапин. – Получается, что тот немецкий летчик, по сути, наш враг, специально спасал нам жизни».

Пережив ужас первой бомбежки, первые смерти людей, чувство страха оставило ветерана. Не вызывало его и присутствие вражеских самолетов в небе. Правда, признается Салапин, и бомбежек больше не было.

В 1943 году Владимиру Ильичу исполнилось семнадцать лет, и его призвали в армию. И как говорит сам ветеран, на фронт он шел со спокойным сердцем, а все происходящее воспринимал как должное. Даже то, что ему приходилось стрелять в других людей.

– Сначала меня отправили на фронт в роли стрелка-минометчика, – вспоминает 88-летний Владимир Салапин. – А потом перевели в связисты в артиллерийский полк. Во время службы не раз приходилось рисковать жизнью. Ведь бывало такое, что во время боя нужно наладить связь, и приходилось мне под свистом пуль тянуть кабель и рацию за собой тащить.

После капитуляции Германии в мае 1945 года, война для Владимира Ильича не закончилась – его отправили служить на Дальний Восток, где шли бои с Японией. На

боевом счету ветерана 13 наград, среди которых он особенно выделяет медаль Жукова, медали «За Победу над Германией», «За Победу над Японией», «За освобождение Кореи».

«В Вооруженных силах СССР я прослужил семь лет и вернулся домой в марте 1950 года, – вспоминает ветеран...» В 1958 году фронтовик принял приглашение брата и перебрался с женой в Краснотурьинск. Несколько десятилетий своей трудовой деятельности Владимир Ильич Салапин отдал тресту «Базстрой», где работал плотником и каменщиком».

Максим Глазков.

«Вечерний Краснотурьинск», 2014 г., № 17.

Фото из семейного архива. В.Салапин – справа.

Виктор Федорович Сироткин

(Витя Сироткин – 3 года)

«Я жил в Ульяновской области Сурского района в селе Барашево. У меня были мама и бабушка. В военные годы мужчин в селе практически не осталось, все отправились воевать, поэтому вся работа лежала на женских плечах.

Мама почти круглосуточно работала, а на бабушке лежала ответственность за домашнее хозяйство. Одежды нормальной не было. Бегал летом, в основном, босиком, хотя

были у меня и свои сандалии, и лапти. В лесу за пять километров росли липы, с них кожицу сдирали, из которой плелись лапти. Занимались их изготовлением старики в деревне. Многие ходить не могли, и для них это было единственное занятие.

Садилов тогда не было. Дети предоставлены сами себе. Каких-то специальных игр, которые сейчас можно купить в магазинах, не было. Мы все время были на улице. Собирались с ребятами, садились куда-нибудь возле стога сена, каждый что-нибудь с собой принесет – кто морковки, кто зелени. Потом это между собой делили и ели. Одной из любимых забав была игра «Муха»: вбивали колышек в землю, из небольшой деревяшки делали муху, которую вешали на кол, отходили на десять метров и палками сбивали ее. Человек, который водит игру, должен поставить муху и поймать тех, кто кидал палки в нее.

В те времена у нас не было никаких удобрений и техники. С каждого дома собирали золу, которую потом женщины высыпали на поля. Простенький трактор появился только после войны. У нашей семьи был огород – 40 соток. Там мы выращивали, в основном, картошку. Работали лопатой, а пахали на себе. Была деревянная соха, за которую один человек вставал сзади, а пятеро спереди. На пахоту таким образом уходил целый день. Лошадки, быки были в колхозе, но их на работу в личных хозяйствах не давали. Я в колхозе начал работать уже после войны, в шестом классе – мужчины косят сено вручную, а мы, дети, переворачиваем. Хорошо было тогда то, что на всех работников колхоза варили еду, и нам, пацанам, тоже доставалось.

В домах во всех было печное отопление, дров почти не было. И мы вместо них использовали коровий навоз. Собирали его, сушили, а потом – в печь. И он прекрасно горел. Конечно, было очень голодно. Мы рвали и кушали

щавель, собирали мерзлую картошку, ведь урожая не хватало на пропитание. Очень выручало то, что у нас была своя корова. Я даже не знаю, когда спала моя бабушка. В шесть утра встанешь, а у нее уже все приготовлено, а когда спать ложился – она была еще на ногах...

У нас в селе и радио-то не было. Помню, что об окончании войны мы узнали, когда нам из соседнего села позвонили и сообщили. Обо всех таких громких событиях нам сообщал председатель села лично. Собирал всех, сам вставал в центре на стул и рассказывал. Победы в войне мы не отмечали. Хотя в целом некоторые даты праздновали. Например, в конце сентября-начале октября после сбора урожая у нас был праздник... У нас село было большое – пять улиц. И на праздник в честь сбора урожая на каждой улице собирался народ, вытаскивал столы, доставал гармошку и праздновал. Если было холодно, то точно так же собирались у кого-нибудь в избе.

Папу своего не помню. Он у меня есть только на фотографиях. На войну он отправился добровольцем, хотя брать его туда не должны были, он был кем-то вроде снабженца товарами. И на войне его тоже кем-то вроде кладовщика сделали, но ему там не понравилось, и он попросился на передовую. Погиб папа в 1942 году. Он с товарищем в окопе сидел, отдыхал, а туда снаряд попал, и почти всех убило. Когда прислали похоронку, мама плакала, плакала и бабушка, а я нет, я не понимал...»

Подготовила Алеся Копылова.

Фото: Вадим Аминов.

«Вечерний Краснотурьинск», 2015 г., № 7.

Тамара Андреевна Федоткина

(Тамара Драничникова – 6 лет)

«Я родилась в Краснотурьинске. Здесь же проходило мое детство. Я была старшей в семье. Папу на войну мы провожали 10 сентября 1941 года со старой части города, где городской рынок находится. Подъехали три автобуса, погрузили всех и отправились в сторону Серова. Я бежала за автобусом, а мама плакала. Средняя сестра была еще совсем маленькой, а младшая родилась чуть позже. Папа погиб в июле 1942 года.

Письма писал нам и как-то три фотографии послал для своих дочек – каждой по одной. На снимках стоял 1942 год и была надпись «Жди. Приеду скоро». Потом пришло сообщение о том, что

папа пропал без вести. Но мама все равно надеялась, что он вернется. Ждала, писала, куда только можно, чтобы узнать, где он, нашелся ли.

Мама работала на кирпичном заводе. Тогда никаких декретных не было, работать приходилось по десять часов... За сестрами приходилось мне следить, а одна из них была к тому же еще новорожденной. Какое там грудное вскармливание? Было не до этого. Намочишь хлеб с сахаром и через марлю кормишь. А бывало, сестры испачкаются, я сама их мою, плачу, потом кладу их спать и сама к ним в люльку залезаю.

Сначала мы жили в своем доме на улице Колхозной, 101. Потом он от старости разрушился, а ремонтировать некому было – мужчин же нет. Мы переехали в барак в районе городского дворца культуры. Там была небольшая комнатка с печкой. Проще жизнь там не стало. Приходилось и ночами не спать – где-то дрова украдешь, где-то что-то еще. Раньше мимо Краснотурьинска поезд проходил, возил он мороженые фрукты, овощи. Во время разгрузки нам удавалось что-нибудь утащить. Потом этим питались. Огорода не было, да и нечего сажать. На поля ходили вдвоем с мамой и там мороженую картошку собирали. Потом ее в еду клали. По дому работы всегда хватало. Надо было не только нянчиться, но и печку топить, и поесть приготовить, что-то постирать или помыть. На выдачу хлеба приходилось очередь занимать с вечера. А получали его только к утру или к обеду следующего дня. Народу за хлебом стояло много...

В те годы у нас не было страхов о том, что война может до нас добраться. Мы были уверены, что враг сюда не придет. Мы всегда ждали каких-то весточек с фронта, но радио включали здесь редко – только в экстренных случаях. О каких-то военных событиях люди узнавали из писем и друг от друга. Народ тогда был добрый, сплоченный, неравнодушный. Все друг друга поддерживали.

В военные годы приходилось находить время и на учебу. Писали мы на серых мешках. Предварительно их выглаживали, очищали и складывали, как тетради. Писать на них было очень неудобно – чернила растекались. Но по-другому – никак. Вместо ручек у нас были свои приспособления, например, к карандашу привязывали перо. Учебники были, и, в основном, их на всех хватало. Когда кому-то что-то не доставалось – просто менялись книгами. Удивительно, что в те годы у меня успеваемость была хорошей. Но в школе я проучилась четыре класса, потом

пошла в пятый и учебу забросила.

Годы после войны тоже оказались непростыми. Маме было тяжело нас троих содержать. Я помогала, как могла... Когда в свои 15 лет я отправилась на работу, стало полегче. Я перебирала овощи на базе да капусту солила».

Надежда Андреевна Летовальцева

(Надя Драничникова – родилась в военные годы)

«Надежда Андреевна была младшей сестрой в семье. Родилась она спустя четыре дня после того, как ее отец ушел на фронт. О военных годах она помнит мало. В основном, всегда находилась дома с сестрами. В садик сама пешком ходила – находился он близко к дому, машин тогда почти не было, криминала тоже.

Надежда Андреевна окончила семь классов. Учиться после войны уже было проще, чем в военные годы – даже появились нормальные тетради. В школу Надежда Андреевна надевала сатиновую форму, а через несколько лет появились более удобные и надежные шерстяные аналоги. «Помню, тогда еще были галстуки, которые, когда идешь, закручивались. И все, кто их носил, очень гордились этим. Ведь были они пионерами, а это считалось почетно», – вспоминает женщина...

Когда в город привезли военнопленных немцев, сестры Драничниковы специально бегали на них посмотреть. Не боялись. Запомнилось им, что немцы ходили в деревянных колодках и с их стороны не было никакой агрессии – только смирение».

Подготовила Алеся Копылова.

На фото Вадима Аминова: Тамара Федоткина
с младшей сестрой Надеждой Летовальцевой.

«Вечерний Краснотурьинск», 2015 г., № 5.

Евтифей Макарович Федореев

«Стать штурманом и полетать на самолетах курсанту Чкаловского авиационного училища Евтифею Федорееву так и не удалось. И дело вовсе не в том, что был он слаб душой и телом, наоборот, перед войной юноша окончил курсы физической и боевой подготовки, успел поработать на идеологическом фронте, являясь агитатором избы-читальни. В его трудовой книжке первой записью так и значится: профессия – избач. Ходил в народ пропагандировал учение Маркса-Ленина, доводил до умов идеи построения социализма, призывал самоотверженно трудиться на благо молодой Страны Советов.

А тут произошло следующее. Училище, которое одиннадцать месяцев готовило курсантов для фронта, вдруг расформируют: на тот момент не оказалось на вооружении нужных самолетов. Штурманы есть – самолетов нет!

Ничего нашлось летчикам иное дело, и в срочном порядке весь курс был переведен во служение пехоте, в наземные войска. В городе Бузулуке Саратовской области бывших «штурманов» помыли в бане, переодели в другое обмундирование и переучили на «сорокопятку». И совсем скоро отдельный стрелковый батальон, где служил Евтифей, занял огневые позиции под Воронежем.

Немцы вооружились «до зубов»: минометы, пушки, танки палили из всех стволов. Земля горела так, что раскаленный воздух обжигал лёгкие, и небо гудело так, что не слышно было свиста пролетающих пуль. Но 17-й укрепрайон, его еще называли сталинским, выстоял, не сделав ни шагу назад.

В этом бою возле станции Алексеевка рядовой Федореев был контужен и ранен осколком мины в голову.

На войне болеть некогда, здесь быстро поставят на ноги. Евтифей вновь в стрелковом батальоне, правда теперь в запасном полку. В особо крупных операциях полк не участвовал, резерв берегли для более важной миссии – поставить победную точку в войне с фашизмом. И тот момент был уже близко.

День Победы 140-й стрелковый полк встретил в Дюссельдорфе, и тут же получил приказ: приступить к эвакуации в Россию немецких архивов, почты, документов. Этим и занялся рядовой Федореев, которому в подмогу выделили восемь подвод (с лошадьми, так как все подводы были заняты на подвозке снарядов). Нагрузив повозки ценными бумагами, обоз тянулся к железнодорожной станции. А кругом сады цветут, весна, солнышко греет, и так домой хочется, мочи нет! А тут еще у одной подводы спица лопнула, пришлось задержаться в одном из хуторов, немецкая фрау оказалась доброй женщиной, напоила молоком и разрешила травку на газоне пощипать: лошадки тоже проголодались.

Только в 1946 году вернулся Евтифей Макарович в Россию, но не сразу домой, ещё год служил он в Астрахани, учил молодых ребят стрелять из разного оружия. Приехав в родную деревню, в Талицкий район, удивился: ничего не изменилось те же нищета и голод, но и порадовался, что красивая девушка Васса его ни на кого не променяла. Кстати, они прожили с ней в любви и согласии 60 лет!»

Людмила Александрова.
«Заря Урала», 2012 г., № 54.

Мария Павловна Хрущева

(Маша Потитько – 5 лет)

«Мария Павловна считает, что в послевоенное время начала нормально жить, только когда в 1954 году приехала в Краснотурьинск. Здесь она наконец-то смогла наесться хлеба.

Мы жили в Белоруссии в деревне Отрубы Гомельской области.

Когда началась война, еще какое-то время мы продолжали там жить. Было страшное время. Над нами очень часто пролетали вражеские самолеты, а мы от них прятались под крышами домов, в бороздах между грядками и на болотах в кустах ольхи. Но на нас немцы не хотели зря оружие тратить. Правда, как-то был случай, что бомба упала прямо в деревне. Никто не пострадал, только воронка осталась. Но в этой деревне жили мы недолго. Разведка узнала, что к нам начали подступать немцы. Так все жители, и мы в том числе, ушли в лес, за реку. Из домов забрали все, что могли унести. Сначала наша семья жила прямо возле реки, но потом солдаты отогнали нас в лес поглубже, там безопаснее было. Жили в шалашах. Их делали из веток, а сверху накрывали дерном, чтобы слиться с лесом. Когда было холодно, осторожно жгли костер. Чтобы нас не заметили.

Кушали мы первое время то, что из дома привезли, когда убегали, а потом уже солдаты нас маленько подкармливали. Время шло уже к зиме, когда мы из лесов

вышли. Но пока мы скрывались в лесу, немцы нашу хату сожгли, и пришлось нам переселяться в другую деревню – в Толстыки. В одном доме жило сразу четыре-пять семей – все, кто лишился крова. Спали на полу, на сене. Чуть позже перебрались в третью деревню, в Рудню, которая тоже располагалась неподалеку. Там мы жили в погребе, где даже печка имелась. Был у нас один огород, где разрешали только картошку выращивать, другое почему-то нельзя было. Сажать картошку нам помогали солдаты.

С немцами нам все-таки приходилось сталкиваться. В нашу деревню они наездами наведывались. Плохо ни с кем они не обращались, не зверствовали. Просили яйца да молочко. Немцы стали звереть позже, ближе к концу войны, когда наши их уже выгоняли из страны.

В нашей семье на начало войны было трое детей, но братья умерли в 1942 и в 1943 годах от тифа. Этим и я болела, но меня вовремя в больницу отправили. Была зима. С пациентами обращались хорошо. Что меня радовало, там чуть больше можно было поесть, даже на хлеб сало топленое намазывали. Все было вкуснее, чем дома.

Папу не сразу забрали на войну. Не смогли – его очень сильно избили полицаи за неподчинение: он отказался на лошади дрова везти. Потом он очень долго болел, даже не ходил. Партизаны ему операцию делали. Папу я плохо помню. Помню лишь только то, что любил он меня сильно и что носил обмотки на ногах – до колен и варежки с двумя пальцами. Не знаю, когда он ушел на фронт, знаю только, что 8 марта 1944 года он уже погиб. Один родственник нам рассказал, что папу убили. Бомба разорвалась, и вырвало ему живот. Мы не хотели в это верить даже после того, как получили похоронку.

Мама больше замуж не выходила, да и я бы не позволила. Не хотела никого дома, кроме папы, даже готова

была уйти в детдом. Папу с войны мы очень долго ждали, мама к гадалкам ходила, а они ей все обещали, что он живой, что он в плену, что скоро вернется. Только это была неправда...

После войны жизнь тоже была нелегкая. Мама все время в колхозе работала, все на себе таскала, и я ей помогала, чтобы трудодней было больше. Одежды, можно сказать, не было вовсе. Сначала донашивали старое, а потом солдаты нам выдали гимнастерки. Я подпоясывалась и носила гимнастерку, как платье. Еще где-то добывали кальсоны. Чуть позже какую-то одежду выдавал нам «Красный крест». Эта же организация выдавала нам и сахарин, от него вода становилась сладкой. Денег почти не было. На меня, как на ребенка, давали 40 рублей в месяц. Но ведь еще и какой-то налог надо было платить – 560 рублей в год. Вот детские деньги и уходили на его погашение, и даже еще не хватало.

В школу я пошла переростком, лет в девять. Но в первом классе со мной были ребята и постарше. И никто никого не обижал, никто ни над кем не смеялся. В школе учебников почти не было – один на троих. Сидели все вместе за большими столами. Писали на журналах. Вместо ручек были перья, вместо чернил – сажа и свекла. Настоящие чернила появились значительно позже. Учиться мне нравилось, я не была отличницей, училась средне, а легче всего мне давались два предмета – конституция СССР и история...»

Подготовила Алеся Копылова.

Фото: Алеся Копылова.

«Вечерний Краснотурьинск», 2014 г., № 39.

Елена Михайловна Шишлакова

«Мне было 2 года 11 месяцев, когда началась война. Мы жили на станции Пермилово, в Архангельской области. Осознания войны у меня не было. Нас у мамы – а она была инвалид 2 группы: порок сердца – было четверо. Старшая сестра поступила в учительский институт (так он раньше назывался). Другая сестра поступила в медучилище в г. Архангельске. Мать и отец мои были железнодорожники. Понимать я начала, когда мой отец попал под колеса своего паровоза и ему отрезало обе ноги... Госпиталь был в поселке, машины не было, и он долго лежал, истекая кровью. Прожил он всего три дня. Он только вернулся с финской войны и у него была броня. Что было с мамой, можно понять. Среднюю сестру не отпустила учиться, о чем она всю свою жизнь жалела. Брат пошел в первый класс в поселок, 3 км. Садик закрыли, там сделали госпиталь для раненых. Эшелоны раненых шли и шли в Архангельск.

Я сидела дома одна в три года. Мама на работе – путевой обходчик: нельзя допускать диверсии. Войны у нас не было, но бомбежки были, мамины документы сгорели. Диверсанты были. Много было беженцев. К нам с братом зашла однажды женщина. Мы не закрывались. Мы ели картошку в мундире. Она увидела эту кучку шкур, схватила и ушла. Мы были с братом поражены. Такое не забывается.

Брат со школы шел долго, мне показал: когда стрелки на часах сойдутся (12 часов) жди меня, и вот я сидела и

ждала. Сейчас разве можно представить одного трехлетнего ребенка в доме.

Мое развлечение было – смотреть в окно. И однажды я увидела, как в бочке с водой (которые ставили у колодца, чтобы они вымокли) утонула соседняя курица. Но что я могла сделать: на улицу выходить нельзя (приказ мамы). Жили мы с мамой, сестра помогала немного. Война и тут вмешалась. После болезни у той и у другой признали: не быть им матерями.

Я подросла и стала пропалывать грядки. Через станцию шли эшелоны с ранеными, по вечерам мама выходила к поезду с бутылками молока и меняла у раненых на кусочки хлеба, а когда белый попадался, был праздник.

По окончании войны я пошла в школу за 3 км, в любую погоду. Иногда мама на санках везла меня половину дороги, выходили в 7 часов утра. Собирали в холод колоски. Приносили кустики малины, смородины для посадки около школы.

В нашей школе была библиотека, куда мы мчались после звонка на перемену. Там была вся классика (литература) русская и зарубежная. И так зачитывалась, читала на уроках, книги у меня отбирали. Так что библиотекарем я стала не зря. Хотя меня родные ругали, но я не бросила эту работу. Книги – это любовь моя, которой я отдала 45 лет своей жизни. Я рада, что посвятила себя библиотеке, хотя и трудно было».

Записала Е.Токмакова.

От составителей: Елена Михайловна Шишлакова боле 45 лет проработала в библиотеке, много лет возглавляла филиал № 3 по ул. Молодежной, и всегда рядом с ней был ее любимый клуб «На огонек». Альбом о работе клуба «На огонек» побывал в Москве, на ВДНХ, а самому клубу посвящены 2 песни на слова местных поэтов.

Письма с фронта

Фронтовые письма солдат Красной Армии, бережно хранящиеся в семейных архивах жителей Краснотурьинска - свидетели далеких событий 1941-1945 г.г.

Николай Александрович Андронов

«Письма на родину Николая Андропова, призванного Серовским горвоенкоматом в Красную армию в ноябре 1941 года в 21-летнем возрасте из Краснотурьинска. До армии он работал монтером радистом в Южно-Заозерском прииске. Дома у

него осталась большая семья: мама Агрипина Федоровна, папа Александр Алимпиевич, брат Виктор и сестра Галина.

Непосредственно попадание на фронт датировано зимой 1943 года – до этого краснотурьинец обучался на младшего командира в различных учебных частях. К сожалению, увидеть Победу Николаю Андронову не удалось – в боях за Украину в ноябре 1943 года он был убит.

Орфография и пунктуация автора письма сохранены.

«17.07.43

Здравствуйте мои дорогие родители. Папка, Мама, брат и сестра Витя и Галя. Спешу вам сообщить что я жив и здоров. Нахожусь в той же части. Жизнь протекает сейчас в походах. В скором будущем будем сражаться с

врагом на том участке фронта где вся страна ожидает с нетерпением последних известий и мы выйдем опять победителями как в прошедших боях. Население дает нам наказ скорее прогнать немца и возвращаться с победой. Впервые в жизни я попробовал с корня яблоки, вишни, и много других фруктов.

Ну так и не дождался я от вас ни ответа ни привета. Все. Целую крепко Папку, Маму, Витю и Галю».

«Здравствуйте мои дорогие родители. Папка, Мама, Витя и Галя. Сообщаю вам большую радость. Наконец-то получил от вас мама открытку писанную 3 июля. Это было для меня праздником.

Ребята мои боевые друзья принесли и заставили плясать ну пришлось встряхнуть свои старые кости. Теперь пишите буду получать.

Пишу письмо под звуки разрывов снарядов и гул нашей грозной красноезвездной авиации которая наносит врагу огромные удары. Жизнь протекает в походе уже прошел столько километров сколько за все время за 19 лет дома.

Вот если бы посмотрели на меня сейчас настоящий солдат как папка на фотокарточке ни дать ни взять. Ну я скоро как будто именинник но забыл когда нето 7-9-27 забыл, ну в общем в августе месяце. Но именины придется проводить в бою. Ну пока писать больше нечего, буду ждать от вас пишите побольше. Целую крепко жму ваши руки. Ваш сын и брат Николай. Передайте привет всем родным и знакомым ребятам и девочкам.

20.07.43 Николай Андронов».

«11.08.1943

Здравствуйте дорогие мои Мама, Папка, Витя и Галя. Пишу

вам еще одно письмо, а то бумаги соберется целый склад.

Ну письма стали доходить до меня и до вас, так что от вас получил два письма и открытку. Ну живу по старому по боевому. Ну а как ваши дела. Как с питанием. Погодка здесь хорошая жарко. Вот прошли мои именины пошел значит 22 год. А лето проходит так незаметно. И зима прошла незаметно.

Эх, ты Галя Галя потеряла пропуск я как увижу здесь девочку или мальчика в Галин и Витин возраст так и вспоминаю о них. Но детям здесь живется гораздо хуже чем Вити с Галей, проклятые немцы забрали весь хлеб, скот все что попадало под руку. Мама папирочки мы покурили 10 человек такие показались крепкие что все продрало. Ну все желаю вам всего наилучшего вывезти сено и дрова, а Гале больше не терять пропуск.

Пишите ответ. Ваш сын и брат Коля».

«15.08.1943

Здравствуйте мои дорогие Папка Мама Витя Галя. Получил от вас дорогие сегодня письмо. За которое шлю вам большое спасибо. Писано оно было тобою Папка 27 июля. Спешу сообщить что я жив и здоров. Настроение бодрое. Идем вперед, гоним немцев. Ну Папка ты пишешь что поспели овощи у Вас и приглашаете кушать. А я папка перепробовал уже все до отвороту яблоков груш огурцов гороху кукурузы семячек. Спасибо тебе папаня за папироски мы их перекурили целых 10 человек. Ну у нас табачок есть ну если как подарок так посылайте в каждом письме. Вот сейчас пишу письмо перед началом кино. У нас даже здесь демонстрируют кино, установленное на машине.

Ну желаю вам папка и мама крепкого здоровья вывезти сено и дрова а Гале учится на отлично а Витушке

готовиться к школе а сейчас помогать вам по работе. Ну все. Привет всем. Вообще передайте от меня привет всем электрикам телефонистам и радистам и всем всем. Ну все. До свидания! Ваш Николай».

«Добрый день! Здравствуйте мои дорогие Папка, Мама, Винтик и Галя. Спешу вам сообщить что сегодня, т.е. 17 августа получил от вас письмо писанное 20/VII-43 г. За что шлю вам большое спасибо. Папка я очень доволен, что получаю у вас письма это для меня является праздником. Ну я жив и здоров как (слово неразборчико, предположительно, что «слон» – прим. ред.). Папка, ты спрашиваешь, в каком роде войск я служу отвечаю я дерзкий автоматчик. Но приходится для себя копать окопы следовательно выполнять работу сапера а до этого до госпиталя был в авиации в парашютном десанте и прыгал с самолета с парашютом. Вот так то и приходится быть годным на все руки. Ну еще именины свои я справил как полагается и выпить было как раз давали вино.

Я папка и мама очень рад и горжусь тем что на вас там в тылу за несколько тысяч километров обращают внимание как на красноармейскую семью. Вот сейчас пишу письмо под противный вой мин. Но ничего не может сделать немец чтобы задержать нас и мы идем все вперед и вперед.

Спасибо крестне что она помогает вам страдовать. Я знаю что у тебя папка живот не в порядке и ты уже не перетруждай себя берегите себя и мама тоже сверх силы не ворочай.

Ну дорогие желаю вам успеха в страде, которую уже наверно кончили и жить как полагается. Вот плохо что у вас из-за продуктов трудно. Ну привет всем родным и

знакомым . Пишите.

Ваш сын и брат. Николай Андронов. 17.08.1943»

«Добрый день. Здравствуйте дорогие мои Папка, Мама, Витя и Галя. Шлю я вам свой горячий привет. Спешу сообщить, что получил от вас письмо и открытку. За что большое спасибо. Папка, ты спрашиваешь про фотографию. Так вот отвечу, неужели бы я не нашел хорошей девки а это уже ведь старуха (скорее всего, Николай в своем письме послал фотографию женщины – прим. ред). Это просто я взял открытку у товарища. Не всем же быть таким как А.Н. Пелевин. Я например автоматчик краса и гордость Красной Армии и со своим другом автоматом неразлучен. Вот Папка получил благодарность от Верховного Главнокомандующего т. Сталина за отличные действия по взятию Харькова и Белгорода. Вчера послал вам письмо и сегодня как-то радостно от того что вы получаете мои письма а я Ваши. Мама ты писала надо нет мне денег. Денег мне не надо и не выдумывайте посылать у меня самого их куры не клюют. Ну папка извини что часто упоминаю «ну» это уж заведено не знаю что писать. Ну а большие напишу когда выйду из боя а сейчас некогда. Крепко жму руки. Ваш Коля Кто у вас папка начальник. Привет ему передавай и всем электрикам и всем всем.05.09.43».

Письмо на родину от Николая Федорова, друга Николая Андропова. Орфография и пунктуация автора письма сохранены.

«Здравствуйте тетя Агрипина Ф. С приветом к вам друг вашего сына по оружию Федоров Николай. Сообщаю вам о смерти вашего сына.

Дело было на правом берегу реки Днепр. Положение было неважное и вот мы пошли в атаку на немцев, а они с

тылу нам пошли в контратаку и вот Коля был с одним бойцом в одном окопе и боец стал заряжать автомат а ему сказал «Андронов поосторожней», а Коля встал из окопа и говорит «Я им покажу!» Из своего автомата он дал длинную очередь по немцам, сшиб несколько человек и в этот момент из автомата ему попала разрывная пуля в голову.

Смерть была легкая и мы его честь по чести схоронили как отважного бойца и друга, как героя который бил немцев до конца. Тетя прошу вас не слишком горюйте, ваш сын погиб не как трус, или паникер, а как герой, преданный своей родине, своему народу.

Тетя мы были с Колей друзья били немцев вместе, и вот вражеская пуля вырвала из строя отважного бойца. Тетя, мы пока живы кленемся отомстить немцам за вашего сына Колю. Тетя еще раз прошу не горюйтесь дюже я знаю что вам жалко но ничего не поделаешь я тоже жалкую по Коле но ничего не могу сделать. Может завтра и меня не будет. Война без жертв не бывает.

С приветом младший сержант Федоров».

Подготовил Александр Сударев.
«Вечерний Краснотурьинск», 2014 г., №№ 35, 37,
39, 41, 43, 45, 47, 49, 51; 2015 год, № 3.

Борис Александрович Катков

«23-летнего Бориса Александровича Каткова, уроженца Верхней Лобвы, призвали на фронт в 1941 году. До войны он работал следователем в соседнем Серове. Как написали в архиве Министерства обороны СССР родственникам, «сложная обстановка на фронтах Великой Отечественной войны не позволяла точно установить судьбу

некоторых военнослужащих, поэтому они были учтены пропавшими без вести».

Борис Катков отправился в ряды Красной армии во второй раз, до этого он проходил срочную службу на Дальнем Востоке.

«Добрый день.

Здравствуйте мои дорогие родные!

Во первых шлю привет дорогому дяде Вене, во вторых шлю привет дорогой тете Мане, в третьих шлю привет дорогой сестричке Раечке. Как мои дорогие живете и как идут ваши успехи по всем видам вашей дорогой жизни.

Во первых строках моего письма хочу сообщить вам маленькую измену моей жизни РККА. Еду учиться. В настоящее время нахожусь в пути сегодня утром на 31 августа 1941 года нахожусь в городе Челябинск на вокзале. Едем весело не тужуемся. Будет все в порядке. Из Серова выехали 29 августа. Правда был маленький перелом моей молодой жизни но ничего кому-то надо и здесь получить образование на средний командный состав. Если кончу то не придется работать в гражданских условиях.

Но милая дорогая тетя не плачь и не страдай живи буду не забуду но живого не будет тут дело другого рода. Милая Раечка прошу одно учись только на хорошо и отлично. Если партия и правительство попросит меня встать на защиту от фашисткой гадины то не пожалей своей крови и отдаю жизнь за победу и за советский народ. Но когда доеду до места, тогда напишу свой адрес. И пишите мне письма тоже. Ну пока. С приветом в пути. 31.08.1941».

Алеся Копылова.
«Вечерний Краснотурьинск», 2015 г., № 5,7.

Николай Александрович Липецкий

«...Липецких нельзя назвать коренными уральцами. В начале войны их эвакуировали в Краснотурьинск из Севастополя. До своего призыва Николай Александрович работал в Богословском рудоуправлении слесарем механического цеха. После призыва Николая Липецкого направили служить шофером в минометный дивизион в одной из частей Красной армии.

«Привет с фронта

здравствуйте дорогие Ксеничка и дочурка Анничка! Спешу сообщить что жив здоров и невредим. Того ви вам желаю быть здоровыми и жизнерадостными в вашей будущей жизни. Ксеничка что значит я опять перестал получать от тебя письма уже три недели как о тебе ничего нет я начинаю волноваться.

... Живу я золотка хорошо нахожусь на польской территории освобождаю польшу от немецких извергов. Новостей много написать не могу вот когда встретимся будет о чем поговорить. Золотка в следующем письме вышлю тебе фотографию, где я сфотографирован с лучшим своим другом, я уже с ним два года воюю и все время вместе. Меня перевели в другую часть и он попросил командование, и его перевели ко мне вот мы опять с ним вместе. Золотка, пиши какие у вас новости, как твое и

дочуркино здоровье когда вышлеш мне свою фотографию я не могу дождаться. Ну на этом золотка заканчиваю. Передай всем привет пиши почаще, не забывай, что я еще жив. Остаюсь ваш любящий муж и отец Коля, целую крепко-крепко. Жду ответа.
11.08. 44. Липецкий».

За свои подвиги он был дважды награжден орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу». Один из его подвигов так описывает командование дивизиона в письме, которое пришло родным в Краснотуруйинск.

«...При выполнении боевой задачи в районе деревни Енакиево 21.04.1945 гвардии ефрейтор Липецкий проявил образцы мужества и отваги. Огневая позиция простреливалась противником и обстреливалась артиллерийским огнем. Гвардии ефрейтор Липецкий первым повел свою боевую машину на наводку. От разрыва вражеского снаряда был пробит бензобак боевой машины. Машина загорелась, и гвардии ефрейтор Липецкий бросился тушить машину. Несмотря на то, что его руки и лицо обожгло пламенем он не остановился, пока не ликвидировал огонь. Благодаря инициативе и находчивости гвардии ефрейтора Липецкого орудие было спасено от взрыва и боевая задача была выполнена. За проявленное мужество и отвагу гвардии ефрейтор Липецкий достоин правительственной награды – ордена «Отечественной войны первой степени» Командир 42 МД гвардии капитан Косинский. (Орфография и пунктуация автора письма сохранены - прим. ред.)»

Подготовил Александр Сударев.
«Вечерний Краснотуруйинск», 2015 г., № 9, № 11.
Фото из семейного архива.

Борис Григорьевич Машковцев

«Письмо Бориса Машковцева своей семье. Через неделю после того, как это письмо было получено, жена Бориса получила справку, что ее муж пропал без вести...

К сожалению, узнать, сколько было лет Борису Григорьевичу, когда он ушел на фронт, не удалось. Известно, что его призвал Удмуртский военкомат летом 1941 года. У него осталась жена Клавдия Тимофеевна и двое детей.

Именно ей адресованы его письма (орфография и стилистика автора сохранены – прим. ред.).

«28 августа 1941 года

Здравствуйте дорогие мои любимые: супруга Клава и мои горячо любимые детишки Ася и Юрик. Шлю я вам свой горячий привет и желаю вам счастливой жизни. Мои дорогие и горячо любимые, это письмо пишется мной в тот момент когда в воздухе слышится гул моторов самолетов и артиллерийская канонада. Может быть сегодня а может быть завтра я буду на передовой позиции сражаться с фашистами отстаивая свою дорогую родину и ваше спокойствие и мирный труд.

Дорогая Клава я обещал тебе выслать денег но до сих пор еще не получал зарплаты, мы еще не отданы приказом по части а по этому и не выдаются деньги но если буду жив то это дело оформлю так.

Свой аттестат на зарплату я вышлю в Удмуртский Райвоенкомат где ты будешь получать ежемесячно установленную сумму денег о том что мною аттестат будет выслан я сообщу в письме. Клава я тебя прошу береги и люби наших детей так как люблю их я и они любят меня. Все трудности создаваемые военной обстановкой перенеси с честью как подобает быть жене Красного Командира. Материальная помощь на воспитание детей мною будет высылаться не менее 250 руб. а то и больше.

Передай привет родным и знакомым держи письменную связь и очную с братом Андреем. И не горюй обо мне. Крепко вас целую мои дорогие Ваш муж и отец Борис Машковцев».

«21 августа 1941 года.

Здравствуй моя дорогая и горячо любимая Клава и мои незабвенные больше всего на свете детишки Ася и Юрик. Шлю вам свой горячий привет и крепко вас целую. Вот прошло уже почти полтора месяца с тех пор как я расстался с вами и скоро месяц, как нахожусь на фронте и уже не раз вел бой с германскими фашистами, но пока еще жив и сдоров.

Дорогая Клава я уже много писал и отсылал вам писем но от вас ни ответа не получил. Или вы обомне совсем забыли или просто не хотите отвечать. А может быть ты не хочешь совсем со мной знаться тогда и об этом нужно ответить. Но дорогие мои, любимые, я вас никогда ни забуду ни когда не останетесь без моей помощи пока я жив и сдоров мне сейчас очень и очень хочется взглянуть на вас но этого сделать нельзя. Взгляну на вас и буду с вами когда мы ликвидируем взбесившихся германских фашистов но эта

задача не легка.

А может быть придется сложить голову в этой борьбе то прошу тебя моя дорогая, крепко любить и беречь наших крошек Асю и Юрку. Клава! Незнаю получила ли ты деньги переводом 588 руб. которые я послал тебе в начале августа ответь. Начальник фин. части нашего полка выслал мой аттестат в Удмуртский рай. военкомат (Борис Машковцев был призван из Удмуртии – прим. ред.) по которому ты будешь получать ежемесячно 500 руб. из моей зарплаты. А за август месяц тебе уже можно получить. Кроме того мною не получена зарплата за июль месяца которую я должен получить и тебе опять вышлю переводом. Мне здесь на фронте в лесах и полях денег пока не требуется. Прошу тебя, используй эти деньги на лучшее питание, на одежду ребятам и себе купи ребятишечкам валенки.

Описать о своем боевом крещении и моем участии в боях очень много, скажу лишь только то, что ходил на врагов в штыки в атаке. Бывал под пулеметным огнем и под артиллерийским огнем но пока жив и сдоров продвигаемся вперед.

Пиши Клава как тебе живется, как растят детишки на пиши о родных и близких и передай от меня привет.

Нам посылают подарки трудящиеся нашей страны. Эти подарки вселяют в нас уверенность в победе и стойкость ибо мы видим, что наш народ с нами он нам помогает.

Клава, пошлите мне с вас групповую карточку. Вас может снять т. Мулин который живет у (неразборчиво – прим. ред.). Мне очень хочется на вас посмотреть».

К сожалению, узнать, сколько было лет Борису Машковцеву, когда он ушел на фронт, не удалось. Известно, что его призвали летом 1941 года. Здесь у него осталась жена

Клавдия Тимофеевна. Именно ей адресованы его письма (орфография и стилистика автора сохранены – прим. ред.).

«13 августа 1941 года.

Здравствуй, моя дорогая жена Клава и мои детишки Ася и Юра. Как ваше сдоровье? Соскучились ли о своем папе? Горячо вас люблю и крепко целую. Я, мои дорогие, жив и сдоров и веду смертельный бой со зверелыми германскими фашистами.

...(неразборчиво) получила ли ты денег, которые я тебе послал 600 рублей? Кроме того в рай.военкомат должен прибыть мой аттестат, где я указал, чтобы ты получала ежемесячно мою зарплату 500 рублей. А я себе оставляю сдесь 150 руб. Моя зарплата равна 650 в месяц. Кроме того еще должны быть фронтовые руб. 180. И тогда моя зарплата выразится в сумме 830 руб. Я тебе Клава послал подъемные деньги, но зарплату еще не получил за июль месяц, и если буду жив и сдоров, то как только получу вышлю ее тебе. Обувай и одевай наших детей. Купи себе необходимое кол. продуктов. А мне на фронте денег не нужно. Теперь я командую стрелковым взводом и два раза уже ходил в атаку на врага. Враг боится русского штыка и громового ура. Наши силы крепнут, враг будет разбит. Пока до свидания. Пиши по адресу – действующая армия, полевая почта, станция № 808 910 с-п. 3 батальон. 6 рота. Мл. лейтенанту Машковцеву. Жду ответа. Твой Боря».

Подготовил Александр Сударев.
«Вечерний Краснотурьинск», 2014 г., №№ 21, 23, 25.
Фото из семейного архива.

Тимофей Алексеевич Меньшиков

«Тимофей Алексеевич Меньшиков ушёл на фронт в 1941 году в возрасте 27 лет. Он был призван в Пензенской области, будучи опытным солдатом, так как участвовал в финской войне. Воевал в звании старшего лейтенанта артиллерийской разведки в должности политрука артдивизиона, был награжден орденом Красной Звезды (дважды) и орденом Красного Знамени. Первое письмо родным датировано 13 сентября 1942 года. Письмо адресовано жене Тимофея Меньшикова Ксении Федоровне, а также трем его сыновьям: Юрию, Владимиру и Вячеславу (орфография и стилистика автора сохранены – прим. ред.).

«Добрый день или вечер трудно определить находясь за несколько сот километров в какой час придет письмо. Ксения, Вова, Юра, Слава большущий привет вам от меня. Вашего папы. Желаю лучших успехов в

жизни. Ксения письмо ваше получил за которую сердечно благодарю очень рад что вы живете хорошо. Я пока тоже живу хорошо жив, здоров, Ваш наказ беспощадно уничтожать гитлеровцев выполняю. Будьте уверены, что насчет фрицев у меня рука не дрогнет. Окончим победоносно войну тогда ожидайте домой с победой, а победа незагорами не смотря ниначто. Победа будет занами порукой этому возрастающая помощ вас – тыло, нам – Красной армии...

Ксения сообщай как у вас идут дела в деревне какие новости есь все все подробнее. Как ребята себя чувствуют каков Слава (Вячеслав – самый младший сын, в месяце написания письма ему было 3 месяца – прим. ред.). Ну вот кажется и все привет Всем родным маме Ефросиньи Игнатъевне, как ее здоровье, что спрашивает она про меня. Деньжонок ей дай обязательно. Я тебе еще посылаю денег тебе. Привет папы Ф.С. (Федору Степановичу – прим. ред.) маме – Т. Я. (теще Татьяне Яковлевне – прим. ред.). Груше (Графиньи – сокр.) Марусе с деткой, как он растет. Елене Федоровне (сестра Ксении – прим. ред.) взрослой школьнице ведь она стала большой. Сприветом квам ваш Т. Меньшиков. О Грини (родственник Тимофея Алексеевича – прим. ред.) получил письмо. Очень рад»

Письмо датировано 1943 годом (день и месяц – не подписан)...

«Здравствуй Ксения!

Привет и самый большой моим малышам правда один из них уже теперь большой коль ходит в школу Юрику, Вове и Славе. Письмо ваше я получил (открытку) очень рад что вы по прежнему живете хорошо. Но о себе извещаю, что можно сообщить нахожусь вот уже больше месяца в непрерывных боях. От Севска до Днепра путь непрерывных боев. Гоним проклятого врага уничтожаем его. За успешное выполнение боевых заданий наша часть два раза получала благодарность вождя т. Сталина. О награде я уже тебе писал, что получил второй орден Красной Звезды. Теперь предстоят еще трудные задачи но благородные это полное освобождение Украины и Белоруссии и окончательного разгрома немецких захватчиков. Жив буду, приеду домой есть что рассказать о современных боях можно говорить целые дни.

Ксения меня интересует вопрос где сейчас находится

Михаил Федорович, Федя и Лукьян Федорович (близкие родственники Тимофея Алексеевича, также призванные на фронт – прим. ред.). Сообщил мне ну вот и все дорогая впереди еще много походов и сражений. К ним я и готовлюсь. Привет папе Федору Степановичу, маме Татьяне Яков., маме Ефросинье Игнатьевне. Груше, Маруси и Леночке. Всем желаю наилучших успехов.

Твой Т. Меньшиков. 1943 год.

Данное письмо Тимофея Алексеевича – одно из последних. 17 октября 1943 года он погиб в бою вблизи реки Днепр (деревня Житцы Гомельского района)».

Подготовил Александр Сударев.
«Вечерний Краснотурьинск», 2014 г., № 27, № 29.

Фото из семейного архива.

Михаил Матвеевич Чертовиков

«Весной 1941 года он – 20-летний – был призван Серовским военкоматом в ряды Красной Армии. До этого Михаил работал на Серовском металлургическом заводе. Помогал живущим в поселке Воронцовка маме и двум сестренкам Лидии и Александре – именно им адресовано его письмо.

В 1942 году Михаил Матвеевич был тяжело ранен и проходил лечение в свердловском госпитале. После ранения ему дали трехсуточный отпуск, который

Чертовиков провел с родными. Это было их последнее свидание. Осенью 1944 года Михаил Матвеевич пропал без вести, не дожив до конца войны восемь месяцев. По словам родных, писал домой солдат Красной Армии мало.

Орфография и пунктуация автора письма сохранены.

«Здравствуйте мои дорогие родные мама, сестренки Шура и Лида, шлю вам свой боевой привет и желаю всего хорошего в вашей жизни и успехов в вашей работе.

Сообщаю, что письмо ваше я получил за которое сердечно благодарю вас. Я живу пока все по старому месяц уже снова воюю. Находимся теперь в Латвии, пишите как вы живете, что нового. Привет Роберту, ... (неразборчиво – прим. ред.) и всем остальным.

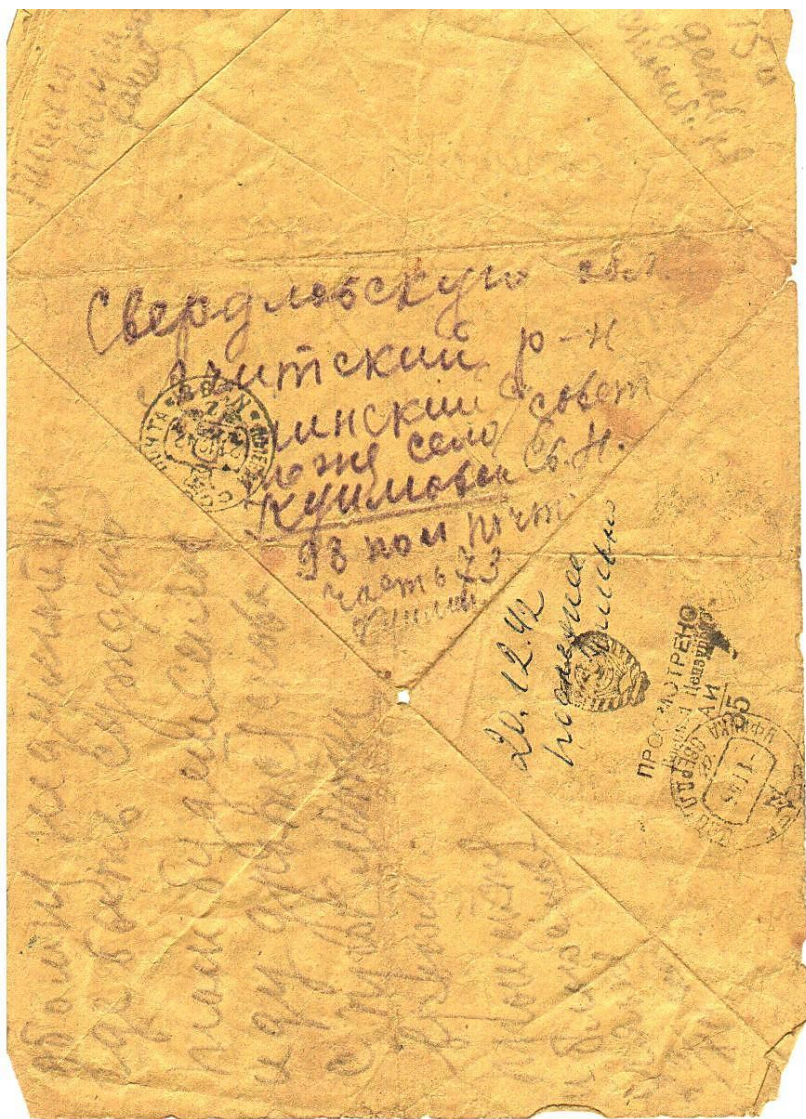
До свидания с приветом Михаил Чертовиков.

26.7.1944».

Подготовил Александр Сударев.
«Вечерний Краснотурьинск», 2014 г., № 31, № 33.
Фото из семейного архива.

Письмо с фронта Куимова Григория Федоровича
(предоставлено его внучкой Валентиной Петровной
Чикиной, г. Краснотурьинск)

1942 года 20 февраля
Здравствуй мама
Пишу тебе как все
но пока пока пишу пока
сидю пока пока пока
Александровская часть
Вот и сейчас очень много
работы на передовой
на передовой очень много
но сейчас пишу пока пока
Самая большая работа
можно сказать я доволен
всё со мной всё
всё со мной всё
пока пока пока пока
пока пока пока пока

Письмо с фронта
Куимова Григория Федоровича,
уроженца села Большой Ут Ачитского района
Свердловской области.
Родился 15 февраля 1899 г.
Погиб 30 декабря 1942 г.

«От Куимова Гр.Ф. 1941 года 20 декабря здравствуйте дорогие родные шлю вам всем по поклону Дуне Каке Юле Алеше Вале Шуре Мине Тяте уведомляю вас я вылечился и сейчас опять отправляют на передовую повязку вчера сняли посылку вашу не получил если жив буду то возможно получу я договорился со старшиной этой части он меня известит пока до нового адреса письма не пишете обо мне не думайте где быть суждено там будешь сейчас иду драться снова с проклятым врагом прощайте и благословляйте письмо получил ваше 15 декабря спасибо»

**В Краснотурьинске проживает 50 участников Великой
Отечественной войны (данные на 15.01.2015 г.).**

Вот их имена:

Агафонов Сергей Артемьевич
Александрова Тамара Михайловна
Амосова Марина Ивановна
Бакулева Ольга Никифоровна
Барсуков Григорий Ильич
Бисерова Александра Ивановна
Бузаков Николай Васильевич
Ватолина Александра Андреевна
Вискунов Борис Петрович
Воробьева Пелагея Феофановна
Гордеев Михаил Иванович
Данилова Евдокия Ефимовна
Дятлов Иван Михайлович
Елизаров Андрей Сергеевич
Замаскина Валентина Павловна
Калинин Иван Захарович
Канушин Василий Павлович
Карченкова София Андреевна
Касулин Алексей Николаевич
Кондрашкин Иван Сергеевич
Коншин Алексей Андреевич
Кривоногов Сергей Федорович
Крякунов Михаил Алексеевич
Куцов Петр Никитич
Лагутин Михаил Андреевич
Лапенков Анатолий Семенович
Лигуй Николай Иванович
Луженков Борис Павлович
Лужинский Алексей Степанович

Максимов Петр Григорьевич
Малогриценко Евгений Пантелеймонович
Марчуков Сергей Васильевич
Набатов Сергей Семенович
Недокушева Людмила Георгиевна
Николаева Ева Васильевна
Пашков Федор Андреевич
Петунин Виктор Александрович
Поломин Александр Григорьевич
Разбойников Григорий Агафотович
Салапин Владимир Ильич
Светлаков Владимир Иванович
Сукманов Федор Астафьевич
Ткачев Сергей Алексеевич
Триль Николай Степанович
Трусов Иван Степанович
Тюрин Алексей Иванович
Федореев Евтифей Макарович
Федченко Надежда Петровна
Флоров Вадим Александрович
Янко Григорий Ананьевич

(По данным городского
совета ветеранов на 15.01.2015 г.)

Содержание

Предисловие	3
Андреева Валентина Ивановна	6
Байгельман Морис Самуилович	8
Борисов Иван Федорович	17
Бушинская Катерина Макаровна	19
Гилева Валентина Григорьевна	21
Грядун София Алексеевна	24
Гуреев Николай Егорович	27
Еманов Александр Львович	30
Ивашова Нина Ивановна	32
Каширов Виталий Алексеевич	36
Клевакин Владимир Алексеевич	38
Коростина Галина Ивановна	41
Костромин Владимир Герасимович	44
Кривоногов Сергей Федорович	48
Лисюткина Татьяна Станиславовна	50
Маврина Валентина Александровна	53
Мамаева Тамара Архиповна	55
Марчуков Сергей Васильевич	58
Минакова Зинаида Николаевна	60

Николаева Ольга Севастьяновна	63
Пелевина Ангелина Петровна	66
Поломин Александр Григорьевич	69
Резникова Елена Васильевна	73
Ридель Валентина Никандровна	76
Родионов Александр Михайлович	79
Салапин Владимир Ильич	81
Сироткин Виктор Федорович	83
Федоткина Тамара Андреевна	86
Федореев Евтифей Макарович	89
Хрущева Мария Павловна	91
Шишлакова Елена Михайловна	94
Письма с фронта	
✧ Андронов Николай Александрович	96
✧ Катков Борис Александрович	101
✧ Липецкий Николай Александрович	103
✧ Машковцев Борис Григорьевич	105
✧ Меньшиков Тимофей Алексеевич	109
✧ Чертовиков Михаил Матвеевич	111
Письмо с фронта Куимова Григория Федоровича	113
Список ветеранов Великой Отечественной войны (г. Краснотурьинск)	116

6 +

Научно-популярное издание

«Я помню всё о той войне...»

Фотографии: Аминов В., Глазков М.,

Копылова А., Смышляева Л.

Оформление обложки: Смирнова Н.Е.

Отпечатано в ООО «Типография «Богословская».
Свердловская обл., г. Краснотурьинск, ул. Чкалова, 4.
2015 г. тираж 250 экз.